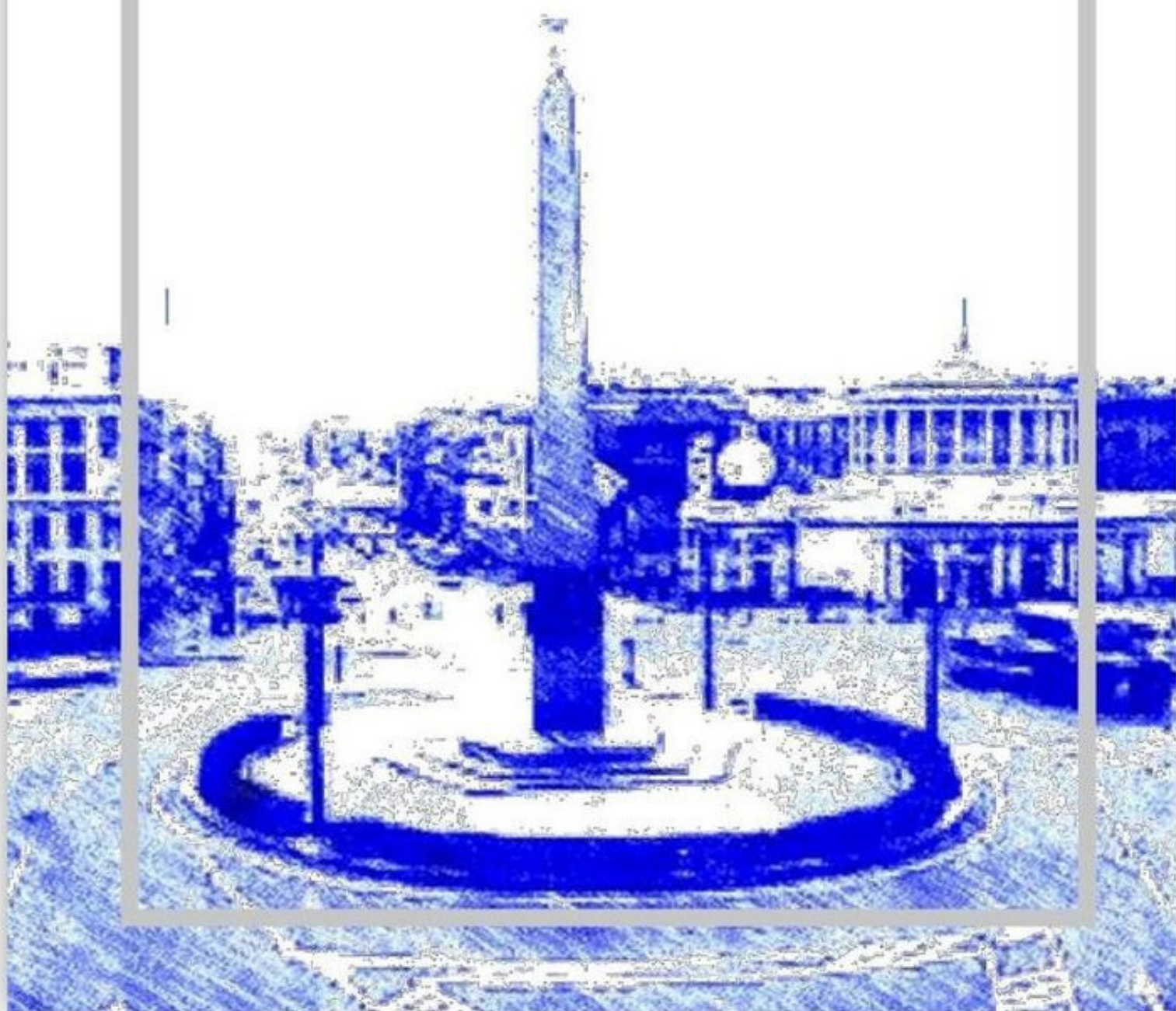

18+

А. Ча.гин

Вкус времени III

А. Ча.гин

Вкус времени – III

«Издательские решения»

А. Ча.гин

Вкус времени – III / А. Ча.гин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986463-5

«Вкус времени» — авантюрная эпопея XX века, повествующая об истории одной русской семьи на протяжении 100 лет. Семья героев романа, невольно следуя за всеми изгибами истории нашего Отечества, претерпевает те же невзгоды и испытывает те же радости, что и весь русский народ. И главное — эта летопись поколений безоговорочно утверждает: как бы ни рушилась судьба человека, какие бы беды не одолевали его, из любого положения он способен подняться и занять достойное для себя место. 2-я редакция.

ISBN 978-5-44-986463-5

© А. Ча.гин

© Издательские решения

Содержание

III. Всему свое время	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вкус времени – III

А.Ча.гин

А.Ча.гин *Дизайнер обложки*

© А.Ча.гин, 2020

© А.Ча.гин, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-6463-5 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-6456-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

III. Всему свое время

ГЛАВА 1

Сегодня бригада рабочих строительно-монтажного поезда №373 дорстройтреста приступила к основному монтажу новой платформы на остановочном пункте Солнечное – любимом месте отдыха ленинградцев.

Широкая и удобная железобетонная платформа, к которой будут прибывать электропоезда из Ленинграда, заменит старую, используемую сейчас.

Пурпурное солнце медленно опускалось в розовое масло моря.

И было так.

Мягкий ветер развеивал выгоревшие до белизны Марусины волосы. Щеголев с женой и дочерью стояли на верхней палубе теплохода «Профессор Визе», и поочередно через бинокль всматривались в предзакатный горизонт в ожидании берега. Турецкого берега.

Шел 2001 год. Конец XX-го века.

Александр Владиславович Щеголев с семьей путешествовали-с. Но не только как туристы – Щеголев-младший совершал паломническое странствие по святым местам, благословленный на это настоятелем церкви Петра и Павла отцом Евстафием. Вот и сейчас их путь пролегал к Святой Софии – древнейшему православному храму, превращенному мусульманами в мечеть. Но в свое время президент Турции Мустафа Ататюрк, будучи, наверное, все-таки мудрым отцом турок, если и не вернул храм в лоно русской церкви, то хотя бы прекратил в ней магометанские службы и создал музей – Айя-София.

И в этом долгом путешествии, в черед событий и встреч Александр тщетно искал свое и чужое прошлое. Рубеж веков магической силой заставлял его вернуться к истокам и собственной и чужой истории. Нельзя сказать, что настоящее Щеголева было неудачно – независимый человек, сумевший обеспечить семье определенный достаток, любимые жена и дочь – все это не позволяло жаловаться на судьбу, но ветер странствий всегда дул Сашке в спину! Неведомая сила периодически толкала его в очередные исследования пространства. И не всегда эти экскурсии были только географическими. Самыми интересными и привлекательными для него были путешествия во времени. Но прошлое время то на мгновение возвращалось, то ускользало бесследно, оставляя легкий привкус не то жженого сахара петушка на палочке, не то чернил, вышитых на спор еще в школе...

А сегодня – это Константинополь, древний город, переименованный в Стамбул дикими языческими племенами, разрушившими великую православную Византию.

Константинополь-Стамбул, как никакой другой заморский город, пожалуй, испокон веков таинственной силой притягивал россиян, начиная с князя Олега, кончая «новыми русскими», превратившими этот великолепный исторический памятник в одну большую бароколку...

В период торжества ВОРа (Великой Октябрьской Революции) Константинополь стал спасительным пристанищем для сотен тысяч русских людей, которые на противоположном, родном крымском берегу были бы неминуемо уничтожены.

Щеголев, находясь на палубе белого теплохода, пытался поставить себя на место офицера-врангелевца, спасающегося от красного террора, и хоть на мгновение ощутить, осознать ту смертельную опасность, злобу, которые источал большевистский Крым. Стоя под порывами незнающих времени морских вихрей, Саша хотел понять, как же это так случилось, что отчий дом проклял тебя, предал, и в будущем будет преследовать всю оставшуюся жизнь...

Но ярко светило солнце, изумрудное море переливалось и пенилось, а страх и ужас были совсем из другого кино.

«Профессор Визе» входил в Босфор. По южному быстро темнело, и берега стали украшаться гирляндами разноцветных огней. Стамбул возник сразу и величественно. Поистине это была столица Османской империи! Крутые берега, словно соты, были облеплены разнообразными сооружениями, зданиями, увенчанными куполами, башнями с разноцветной американской рекламой на вершинах. Ночное бархатное небо прорезали умело подсвеченные минареты, которые были так ожидаемы путешественниками и которые придавали необходимую завершенность любому восточному городу. И дочь и мама – Маша и Александра Щеголевы – были в полном восторге. Неповторимый колорит и дух города были очевидны, но почему-то, напрашивалось интересное сравнение: Стамбул – Босфор, Петербург – Нева. По-видимому, масса вольной воды, отсеченная громадами строгих архитектурных силуэтов, навевали ассоциации.

В семье возникла дискуссия.

– Оба города прекрасны! И, все-таки, несравнимы, – подвела итог Маруся и добавила задумчиво, – А я бы здесь смогла жить!

– Подожди, Маруся, так сразу и жить. Давай сойдем на берег, а там посмотрим... – мама была, как всегда, осторожна.

Необходимо сказать, что Щеголев сделал семье сюрприз, и когда Аля узнала что они поедут в Стамбул, да еще на корабле, да через все Черное море, то ее охватила паника – для нее восточный мусульманский город, населенный, словно наш Кузнечный рынок, одними смуглыми брюнетами, представлялся логовищем террористов и бандитов!

Но прекрасная действительность вскоре опровергла все опасения, – турецкоподданные были хоть и не в меру шумны, зато очень приветливы и добродушны.

Теплоход во мраке ночи вошел в Мраморное море, подрулил к стамбульскому порту и мастерски причалил. Вдали, на горизонте светились огни таинственных островов Мармар. Капитаном были отданы последние команды, и «Профессор Визе» замер у пирса.

Щеголевы благополучно прибыли в Турцию!

На утро, после флотского завтрака, они отправились в Стамбул – древний и сказочный. В программе значилось посещение мечети Ахмет-хан-Султан, музея Айя-София, Азии, как части света, на которую можно было попасть по «японскому мосту» и, главное, что естественно для русских в Турции, настоящих восточных базаров.

Утренний город был немногочислен и свеж. Высоченные пальмы, кипарисы и другие курчавые деревья образовывали прихотливые восточные парки, скверы и сады, именно Семирамиды, как хотелось думать нашим путешественникам. Журчали фонтаны. С минаретов заунывно, но колоритно звучали голоса муэдзинов, усиленные первоклассной аппаратурой «Сони». На улицах и у мечетей к туристам приставали менялы и, наверное, нищие бомжеватые дервиши с набором сувениров, хотя Бог их знает, кто они были на самом деле.

Но вот в безоблачном небе чуть выше встает солнце, и влажная жара разливается по городу. Незнакомые терпкие запахи, пробудившись вместе с солнцем, проникали всюду, и, казалось, даже сквозь кожу. А к Алиному удивлению, все встреченные турецкие люди и даже «дервиши» вели себя цивилизованно, были вежливы и совсем не походили на террористов. Это успокаивало нашу Алю. Она расслабилась, и стала уже спокойно и с чувством внимать красотам Востока.

Они погуляли по улицам столицы Востока, попили кофе по-турецки и посетили Золотой базар:

- Перец, ваниль, корица дешево!
- Чашки, ложки, только у нас!
- Ковры, покрывала даром!
- Золото, бриллианты по лучшим ценам!

– Рахат-лукум! Щербет! Слаще меда, слаще женщины!

Действительно, там было все! И, как ни удивительно, все говорили по-русски! Проходя по базару часа три, наши путешественники – от криков, толкотни и обилия товаров – утомились безмерно, и нашли отдохновение только под сводами храма.

Изначально православный храм Святой Софии, а теперь Айя-София – гигантское, монументальное сооружение, встретил Щеголевых таинственной тенью и прохладой. Воистину это было величественное свидетельство силы христианской веры, каким-то сверхъестественным образом поверженной турками-османами. Под натиском племени молодого, незнакомого, несокрушимый Константинополь пал, завершив свой круг жизни: от императора Константина I, основавшего город и перенесшего сюда, на проливы, столицу Византии, до императора Константина же, но XI-го, погибшего вместе с православной верой и всем своим государством 29 мая 1453 года.

Люди, более сведущие в религиозных преступлениях и наказаниях, позже пояснили Саше, что сия Божья кара последовала за грехи и сомнения в истинности веры.

Наверное, так и есть, но все равно грустно.

Да, в раннем христианстве, бывшем в основном православным по сути, тогдашние правители, в первую очередь Византийские, вели непрерывный поиск путей и способов познания не только святой веры, но и укрепления государственности. Василевсы искали возможность практического приспособления религии для укрепления светской власти, расширения «зоны охвата» других народов собственной верой, а, что вероятнее всего, для увеличения жизненного пространства и богатства самих правителей. По-видимому, такие события, как иконоборчество, мистические и схоластические изыскания, заключение унии с католической церковью, при главенстве оной, привели к гибели святого источника веры у этого, данного народа, на этом, данном месте.

Но, почти сразу и буквально из пепла, возстало Православие на Руси, во всем своем истинном смысле и значении. И факел не угас.

Во всяком случае, хочется в это верить.

И Саша доподлинно знал, что и Щеголевы приняли участие в укреплении «правильной» и «славной» веры в России, ведь в те далекие времена становления христианской религии на Руси их род мог активно влиять на преобразования в государстве, будучи не последней фамилией в русских княжествах. Семейные мифические предания сохранили свидетельства о трагических и величественных событиях в Рязанских и Московских уделах, в которых принимал участие их старинный род. По крайней мере, что подтверждалось уже документально, его прадед Александр Арсеньевич в XIX веке внес малую толику в продвижение света веры, воздвигнув Крутогорский храм на собственные средства. И Александр Владиславович, продолжая эту святую традицию, по мере своих скромных сил и возможностей, вместе с соратниками тоже помогал сохранить и возродить Православную Веру после коммунистических гонений – он принимал участие в восстановлении церкви Петра и Павла в Петергофе.

Но стоит, все же, вернуться к подножию другого храма – Святой Софии, в Стамбул.

Этот поражающий воображение храм, явился шедевром среди всех православных базилик построенных как до шестого века, так и много позже. Даже великолепный Исаакиевский собор в Петербурге, хотя и совершенно другой по стилистике, но столь же монументальный, не производит столь внушающего впечатления величия, как самого здания, так и Православной веры.

Храм Святой Софии воздвигли архитекторы Анфимий из Тралл и Исидор из Милета. Его огромный купол, под сень которого вошли русские путешественники Щеголевы, был возведен на четырех столбах с помощью своеобразных парусов. Массивные опорные столбы, совсем не заметные для зрителя и сорок окон, прорезанных в основании купола, создавали необыкновенный эффект – чаша купола словно парила над храмом. Соразмерный с величием Визан-

тийского государства в то время, храм Святой Софии воплощал в своем образе представления древних создателей его о вечных и непостижимых «сверхчеловеческих» началах мироздания.

Храм, превращенный в музей, был полон, хотелось сказать – паломниками, но нет, всего лишь туристами со всего света. Слышалась японская речь, немецкая, чешская и даже афганская. Афганцы, кстати, отличались от всех остальных туристов своим строгим и каким-то родным советским, совершенно безликим одеянием.

Воспользовавшись моментом, когда никого из персонала исламского «музея» рядом не было, Саша перекрестился и вознес нехитрую молитву о воскрешении и возрождении всех христианских реликвий и светочей.

По очень субъективному мнению Щеголева, мусульманство, как одна из самых «молодых» религий, пока еще не смогла освободиться от средневековых заблуждений и своего скрытого жестокого и первобытного начала. Сомнение, прежде всего, вызывало очевидное расхождение благородных слов с делами мусульман, когда борцы за свободу, богохульно используя вечные святыне истины, убивали и резали людей направо и налево. Доморощенного богослова тревожило также то, что в основе этой религии лежит ежегодная кровь, пусть даже и овцы, а также тот факт, что исламисты, за неосторожно сказанное слово, считают своим долгом и почитают за честь забить камнями до смерти любого еретика. Таких зверств нет ни в каких других мировых религиях, не считая диких языческих.

Аллах говорит: «если ты хочешь, чтоб тебе было хорошо, не смотри наверх, смотри вниз, на тех, кому хуже, чем тебе, и обретешь покой».

Разумно, но, к сожалению, развитие событий показывает что мусульмане-азиаты, живущие действительно хуже европейцев-христиан, смотрят только вверх и желают жить именно так, как в Европе, причем, сейчас и сразу. И обвиняют всех и вся, естественно, кроме себя, в своей же недееспособности, подменяя идеалы веры и справедливости мирскими желаниями. Эти вопросы, по мнению Щеголева, относятся скорее к социальной сфере, к области чистой морали, чем к вопросам религии.

И в то же время, а что тогда есть сама религия? Не в том ли состоит суть, что никому не вредно помнить, как бы не вознесся он высоко и как бы не велик и могущественен был он, что есть тот, кто всегда выше, всегда сильнее и всегда мудрее тебя?

Есть ли Бог, нет ли – вопрос совсем не материальный, но и не только философский. Для человека, желающего хотя бы просто существовать на белом свете, нет другого пути кроме пути мира и добра. Нелепо было бы утверждать, что стезя человека в совершенствовании зла и орудий смерти, как может показаться обозревая историю человечества, и поэтому любое бесовское начало противно Господу, суть самому человеку.

В людских сложных взаимоотношениях все едино неприемлемо, когда в результате страдают простые люди...

Как бы там ни было на самом деле, но пока что мусульманские идеологи не смогли убедить мир в справедливости и человеколюбии своей веры, когда простые приверженцы Аллаха и Магомета, прикрываясь их именами, взрывая и себя и других, норовят поссорить весь мир. А сегодня они подключили к этому дьявольскому празднику уже и женщин, и оголтелые шахидки, обмотавшись взрывчаткой, желают взорвать и любовь, и всю будущую, еще не родившуюся жизнь.

Или, возможно, дело вовсе не в этнических религиях – просто злая энергия, источаемая бездумной технологией и людскими грехами, достигла критической массы, что время от времени случается в этом мире, и черный дух, излившись через края ада, проник на землю? И, кажется, что только добро и терпение, а не битвы и противостояние, способны разрешить дела человеческие. А когда кажется, креститься надо...

Конечно, необходимо время и терпение, чтобы мы, люди разных убеждений, нашли одну общечеловеческую справедливость и научились ценить и уважать, как это не покажется стран-

ным, прежде всего, себя. Истинно уважая себя, человек никогда не сможет переступить через Божьи заповеди, существующие во всех религиях, а значит обидеть и оскорбить другого, априори равного ему человека.

Хотя нам ли судить, и что мы можем знать о путях Господних...

Так что Саша осенил себя крестным знаменем хоть и тайно, но гордо – с чувством уважения к святыням и православия и восточной религии, которая нашла в себе силы немного подвигнуться и освободить храм от не предназначавшихся ему обязанностей. Он видел, что в этом огромном как мир бывшем православном храме, превращенном в музей, в центре исламской страны, мирно гуляют и любуются этим шедевром зодчества и человеческого трудолюбия люди разных наций и разных вероисповеданий. Щеголев углядел в этом факте символ будущего примирения и единения народов на основе простых и понятных истин – не убий, не укради, не возжелай...

Поклонившись, Александр мысленно передал привет и благодарность главному Византийскому собору, прародителю Русской веры, от Владимирского собора в Херсонесе и церкви Петра и Павла в Санкт-Петербурге.

И, вспомнив святое чудо на Крестовоздвижении во Владимирском соборе, Саша ощутил, что духовный мост накрепко соединил столь далекие берега.

За неделю до этих событий Саша, Аля и Маша побывали на Православном празднике Крестовоздвижения в Херсонесе на окраине славного русского города Севастополя.

Это Крестовоздвижение было, как считал Щеголев, Великим событием и не только Православным, но и светским – государственным и политическим, так как восстанавливался и воскресал собор, воздвигнутый на святом месте принятия христианства князем Владимиром и, следовательно, всей Русью. И сегодня, также как тысячу лет назад, происходило воскресение веры и надежд русских людей. Отсюда, из теперешних руин, из до сих пор доживших древних стен и начертанных на них имен вновь пойдет непоколебимая сила Отечества, еще вчера немного покачнувшегося, но выстоявшего и пережившего злой век людских мучений.

Тогда, на светлом празднике Крестовоздвижения, свершилось чудо! При соприкосновении нового креста с главой собора, словно безмолвная вспышка, произошло необыкновенное явление, – в ясном небе возникло белое изображение храма, своей вершиной, касающееся креста.

Что это – предвестие, знамение? По меньшей мере, как посчитал Александр, это был знак торжества возрождения Веры народа и становления Российского Государства.

И ничего, что сегодня Херсонес и Севастополь «принадлежат» самостийной Украине, волею Хрущева вместе со всем Крымом, одним махом отданных братской республике, – хай живе славный Киев! В те времена никто, в том числе и самый мудрый и дальновидный председатель председателей, и в страшном сне не мог предвидеть распада великой коммунистической державы на удельные княжества. История, как известно, ничему не учит, и Новая Византия тоже просуществовала недолго. А что касается Украины, то, несмотря ни на что, мы единый народ и это наш общий православный мир. И странно, что сегодня исконно русским людям, проживающим на исторической земле У КРАЯ России, хочется подчеркивать эту свою обособленность. И река Рось находится близ Киева и впадает в Днепр, а истоки Днепра на Смоленщине. Ведь никто же не говорит, что Киев – древняя столица, скажем, Речи Посполитой или Османской империи. Даже новые «реформаторы от истории» знают: Киев – стольный град святой Руси, в котором, собственно, и зародилось наше общее государство.

В этом смысле показательна точка зрения классика украинской литературы Семена Скляренко. В своей книге «Владимир» он пророчески пишет:

«...И никто из них (братья – князь Владимир и князь Ярополк) не знал того, что именно в это время к украинам Руси, к мирным городам и селам на западе подступает враг, который давно уже отточил свой нож и ждет только случая, чтобы напасть.

– Drang nach Osten!

Этот клич угрожал славянским землям уже не впервые. За всем, что творилось на Руси, пристально следили германские императоры, за спиной которых стоял римский папа».

Великие народы могут и должны подняться над простотой бытовых отношений и перемочь, кажущиеся первостепенными и насущными, никчемные житейские неурядицы. Единение добрых сил того стоит. Хватило бы только разума и способностей понять всю глубину и грандиозность событий, в которых наши народы принимают непосредственное участие.

А время окончательных расчетов придет.

Обязательно.

Турецкий, вернее, византийский храм Святой Софии открыл для Александра какие-то новые истины.

А чудо на Крестовоздвижение в Херсонесе заставило поверить, что все возможно в этом мире.

Да, для того чтобы обрести подлинный покой и счастье в любви и вере, подумал Саша тогда, нужно обязательно пройти все испытания предназначенные, наверное, каждому человеку. Иначе невозможно понять, что же такое настоящее счастье и что же такое любовь на самом деле.

Этими сказочными путешествиями в Стамбул и Крым, закрывающими XX-й век, откроем новый этап жизни Щеголевых. Но все это случится много, много позже, четверть века спустя, а сегодня...

...Опоздав на прямой поезд до Ленинграда, демобилизованный солдат – рядовой Щеголев, сел на электричку до Москвы. Ехать днем в «гражданке» с воинскими документами срочника было гораздо рискованней, но интересней – присутствовал элемент авантюры. В отличие от кондовых дембелей, которые загодя готовили специальную форму, альбомы и чемоданы под общим названием «дембельский», Сашка первым делом, получив увольнительные документы на руки и простившись с ребятами, переделался в заранее припасенную «гражданку» – синий костюм, замшевые туфли и обычную, не зеленую рубашку, в ту уже непривычную одежду, которая, по его мнению, должна была сразу придать ему чувство полной свободы. Да и козырять уже осточертело.

Как же он мечтал об этой минуте! Правда, парадную военную форму со всеми своими скромными регалиями он свернул и положил в портфель – на память! Такой гражданский вид, может быть, и вызывал у Саши какие-то высокие чувства, но имел существенный недостаток: теперь нужно было покупать обычный билет, а денег после торжественных проводов оставалось в обрез. Несмотря на подозрительных милиционеров и постоянно мелькавших патрульных, до Москвы Саша доехал без приключений.

А Москва, как и положено, встретила «гостя столицы» суетой вокзалов, толкучкой у метро и такой знакомой Александру с детства праздничной атмосферой новой жизни. С Курского вокзала Щеголев вышел в город и с удовольствием пешком проделал путь, который он, новобранец, прошел два года тому назад в другую сторону.

Но на Ленинградском вокзале его все-таки настиг карающий меч воинской дисциплины. А началось все прозаически: в обычной кассе билетов на сегодня не было. Тогда Саша пошел в воинскую. Когда он уже брал билет, предъявив красный (рядовой) военный билет, ему на плечо опустилась тяжелая рука.

– Почему не в форме, солдат? – Это был патрульный офицер, – предъявите документы, и отойдемте в сторону.

Саша лихорадочно соображал: из-за такой чепухи накрылся дембель, на гарнизонной «губе» промаринуют, обратно в часть отправят! Он уже держал билет в руках и рылся в карманах в «поисках» документов. С двух сторон встали патрульные солдаты. Поезд отходил через полчаса...

И тут Александр решился – он резко толкнул офицера и сделал подсечку правому патрульному, зря учили что ли, тот грохнулся. Офицер тоже не удержался на ногах и далеко отлетел, ударившись о какой-то торговый сундук. Саша опрометью рванулся, расталкивая толпу, прямо на железнодорожные пути. Народ сомкнулся за ним, отсекая от преследователей. Краем глаза он успел заметить, что, растерявшийся поначалу стоявший слева патрульный бежит за ним, но явно не слишком старается. Щеголев прыгнул с перрона и, пробежав вдоль путей, на четвереньках перелез под поездом на соседнюю платформу. Подтянувшись за поручни и с ходу запрыгнув в какую-то электричку, Саша понесся по вагонам, хлопая дверьми, дальше к голове поезда. Сильно мешал портфель, но не бросишь же – там армейские «реликвии»! Саша перекинул ношу в другую руку и попытался отжать дверь с противоположной стороны вагона. Удалось! Он обеспечил себе путь отхода, можно немного и отдышаться. Саша рассчитывал, что патрульный офицер не видел, до какого города он брал билет и специального оцепления именно поезда Москва-Ленинград не будет. Он помнил, что ленинградский поезд отходит с четвертого пути, то есть, через одну платформу от этой, и значит нужно было как-то перебраться еще через два состава. А времени уже не оставалось. Саша выглянул из тамбура, погони видно не было. Он прыгнул вниз и опять под вагонами перебрался ближе к концу перрона, а оттуда, кажется, уже на нужный путь. Пробежав под платформой, и зайдя с головной стороны состава, Щеголев, весь перемазанный мазутом, наконец, вылез на дневной свет у родного ленинградского поезда. Оглядевшись, он запрыгнул в первый же вагон и пристроился в дальнем купе. Оставалась минута...

Как ни долга была эта минута, но состав тронулся! Вот теперь-то, уже можно было сказать, что Александр Щеголев возвращался домой.

Необходимо пояснить, почему Александр опоздал на прямой поезд Владимир – Ленинград.

Простившись с ротой, в которой он провёл, может быть, и не лучшие, но очень полезные два года, Саша мысленно уже окончательно расстался с армией. Он уходил один по личному распоряжению начальника политчасти, и оркестр не сыграл ему «Прощание славянки». Но все равно сейчас он был счастлив, не подозревая, что Советская армия самое спокойное и предсказуемое место в мире, и ох как нелегко ему придется в будущей «свободной» гражданской жизни.

Перемахнув по старой привычке через забор, он направился через Доброе село к вокзалу. Но, проходя мимо знакомого дома, в котором теперь жил их бывший сержант Десятков, женившийся после демобилизации на местной девчонке, Саша решил заскочить к ним уже в новом, вольном качестве. Была суббота и Десятков с супругой, к несчастью, оказались дома. Бывший сержант, на удивление, очень обрадовался Саше, видимо памятуя о совместно прожитых «боевых» днях и их приятельских отношениях.

Он быстро организовал праздничный стол и после банкета, как Саша не отговаривался, оставил ночевать, говоря при этом, что «поезда каждый день ходят, а когда мы еще увидимся, – утром я тебя сам посажу на поезд». И действительно, тут Саша был с ним согласен, – когда еще...

К тому же и воздух свободы пьянил, что хочу, то и делаю – день плюс, день минус, все равно он свободен и когда угодно доберется до родного города. И последний вечер во Владимире сопровождался нескончаемыми разговорами – «А помнишь?..», хотя былинные события происходили недалече и были совсем не «преданьями старины глубокой».

Кстати сказать, Саша, как всегда, готовил сюрприз своим близким и никому не сообщил о своем приезде, написав в последнем письме, что сроки «дембеля» покрыты мраком, и поэтому задержку в дороге мог себе позволить.

Сержант Десятков был родом из Бийска. Он с увлечением рассказывал о своем родном Алтайском крае. О красотах гор и долин, чистоте рек и озер, о добрых сибирских людях. Но сам

после армии остался почему-то во Владимире. Оно, конечно, и понятно, красоты красотами, но медвежий угол (в прямом смысле) и есть «медвежий угол». Любой городок в центральной России после непролазной тайги покажется раем.

Саша помнил, что там, на Алтае похоронен его дед и оттуда уходил на фронт его отец, оставив в глухом селе бабушку Катю совершенно одну. Он с большим вниманием слушал даже заметно приукрашенные рассказы сержанта о сибирском крае, куда волею судьбы были брошены старшие Щеголевы.

Почему-то Александр не стал рассказывать об алтайской ссылке своих родственников новоявленному владимирцу, хотя большинство русских поселенцев оказались в разное время в тех краях отнюдь не по своей воле. Еще со времен царя Алексея Михайловича туда отправляли преступников на поселение просто вместо наказания и даже вместо смертной казни.

За столом, в присутствии каких-то родственников жены, Десятков красочно живописал о своей теперешней гражданской «шикарной» жизни в престольном граде Владимире, забыв откуда родом Щеголев или считая, что такие развлечения как посещение ресторана, парка культуры и отдыха недоступны для простого человека и в Ленинграде. За праздничным столом, Саша испытал странное чувство окончательной свободы: он мог пить водку не таясь, и ничего за это ему не грозило. Если в меру, конечно. В голове мелькнуло, что как-то глупо мерить подлинную свободу водкой, но это, наверное, было для него просто символом отмены всех запретов.

В общем, еще один прощальный армейский вечер с выходцем из далекого Бийска, прошел для совсем еще молодых ребят хорошо и весело. У них все было впереди, и перед ними только-только открылась новая страница жизни. И кто знает, как распорядится Господь их судьбой...

Одним словом, на вокзал они с Десятковым пошли только на следующее утро, и Саша неприятно удивился, узнав, что поезда на Ленинград ходят не каждый день. Под прикрытием друга было все-таки не так опасно находиться на владимирском вокзале в гражданке. Патрулей и знакомых офицеров на горизонте, кажется, не просматривалось, но требовалось держать ухо востро. Они купили билет на электричку до Москвы, и Саша легко простился с Десятковым.

Его ждал Питер! И больше они со своим сержантом не виделись уже никогда.

Возвращаясь назад, в смысле, вперед – к Сашиному экстремальному отъезду из Москвы, можно было уже с уверенностью сказать, что беда прошла стороной. После инцидента на вокзале, и когда поезд набрал приличный ход, Александр вылез из спасительного купе, помылся, почистил одежду и прошел в свой законный вагон. Действовал он все же с некоторой опаской, – кто его знает, что успел сделать и кого смог предупредить патрульный офицер. Ведь получил-то он прилично, да еще при исполнении! Пусть простят Щеголева и этот офицер, и родная армия – на кону действительно стояла свобода!

Но в конечном итоге все закончилось благополучно, и поезд с демобилизованным Щеголевым прибыл на Московский вокзал Ленинграда без дополнительных происшествий. Добрый и родной Ленинград ждал своего блудного сына.

Рабочий день был в разгаре, и проектный институт кипел в трудовом порыве. Кто пил чай, кто обсуждал мировые проблемы в курилке, а кто и стоял в очереди, занятой для всего отдела в Пассаже за дефицитными женскими сапогами или туалетной бумагой.

Зональный проектный институт стал первой серьезной работой Александра после армии. Некоторое время он проработал художником в сельском клубе в Рождествено рядом с имением Набоковых и «полустанком» Выра, воспетым Пушкиным, к которому Саша тоже приложил свою высокохудожественную руку. Но как только наступила зима, и ездить в эти замечательные места на перекладных стало проблематично, он простился с писателем Набоковым и станционным смотрителем Выриным и вернулся в теплый Ленинград.

Воспользовавшись связями отчима Юрия Васильевича и продемонстрировав свои художественные таланты, Щеголев устроился на должность Старшего (с большой буквы!) художника в Отдел информации под начало величественной и наиинтеллигентнейшей Марианны Тарановской, напоминавшей Саше Екатерину II во времена ее переписки с Вольтером.

И вообще, Отдел информации был полон незаурядными личностями: старшим специалистом патентного сектора значился импозантный Теодор Брониславский, поражающий воображение своими манерами и благородным видом; сотрудником сектора иностранных языков был Вадим Зайончек, эрудированный лингвист и собиратель фигурок и оригинальных изображений всевозможных зайцев; непосредственным Сашиним начальником была Зарифа Павловна, имевшая своеобразную восточную внешность, органически сочетающуюся с ее европейскими взглядами на стиль и качество жизни.

Но «звездой» Отдела информации, да и, пожалуй, всего института, набитого творческими людьми и знаменитыми архитекторами как переполненный автобус в «час пик», был, несомненно, Владимир Лисунов – художник, поэт, киноартист и просто большой оригинал. Эпатаж был его стихией.

Саша, идя на работу от метро, часто наблюдал Володю в длинном черном пальто, со свисающим до земли белым шарфом, в широкополой черной шляпе, вышагивающим по Невскому проспекту и читающим на ходу томик Бодлера в вытянутой руке. Лисунов, по своему обыкновению, пребывал в углубленном познании великого французского символиста, и ему было безразлично, где он находится и что вокруг него происходит.

Во времена строительства развитого коммунистического общества подобные фигуры, демонстративно презиравшие советскую действительность, были наперечет и в самом обществе, и в определенных государственных органах.

А чего стоили его картины, которые Лисунов рисовал в промежутках между оформлением серых выставок чужих строительных «шедевров». Они, эти произведения Владимира, хотя на взгляд непросвещенного Щеголева и были немного однотипны и несмотря на обилие эфирных персонажей, бессюжетны, но, безусловно, являлись проявлением необычного таланта и наглядным укором еще более однообразному социалистическому реализму.

Владимир Лисунов был «авангардистом», как тогда это называлось, принимал участие во всех подпольных и скандальных художественных выставках и был хорошо известен в городе. На почве общих взглядов на действительность и творчество, Саша сошелся накоротке с непризнанным гением и даже спустя долгие годы поддерживал с Лисуновым дружеские отношения.

Через много лет Щеголев узнает от знакомого художника Николы Зверева, что Володя трагически погиб при неизвестных обстоятельствах в собственной закрытой на задвижку квартире. И тайна данной запертой комнаты останется навсегда неразгаданной.

А неизбежная память о человеке, жившем своей высокой и непонятной жизнью, вопреки иезуитским нормам и правилам, память о художнике по большому счету, о настоящем искателе искусства и воистину независимом творце, останется не только в памяти людей знавших его лично. Память о «бесовском и божественном» художнике останется и у искусствоведов, и даже у историков развития советского социалистического (мы не ошиблись!) искусства, и у собирателей художественных идей и направлений. Картины Лисунова, не без помощи Александра разъехавшиеся по всему миру, еще долго, если не вечно, будут говорить с людьми Володиными образами и символами...

А сегодня все были еще живы, здоровы и молоды!

Художники отдела информации Лисунов, Щеголев и Петров, как рьяные передовики, занимались в актовом зале оформлением юбилейной выставки к десятилетию института.

Лисунов был старожилом Отдела информатики, а Саша, обосновавшись на новом месте, соблазнил своего лучшего друга Юрку устроиться к ним в институт «на клёвое место», и теперь

они вместе вкручивали свои «штучки» разомлевшим от собственных изысков сотрудникам института.

В самый ответственный момент выбора общего композиционного решения юбилейной выставки, пришла Зарифа Павловна и сказала, что Щеголева вызывают в Первый отдел.

Позже, в другие времена, вечная память о специфических Первых отделах выветрится из мозгов постсоветских граждан, но тогда этот отдел, как всевидящее око неусыпного КГБ, мало того что был в каждом сколь-нибудь значимом предприятии, но и вершил на местах судьбы людей.

Саша явился в кабинет и нашел там, кроме начальника отдела, который, сказав «вы тут побеседуйте», удалился, еще и приятного молодого человека в неброском штатском. Молодой человек, представившись «Иваном Ивановичем», повел разговор высоким штилем о заоблачных материях любви к родине и призвании человека как такового.

– Вот вы, Александр, почему до сих пор в комсомольскую организацию института не вступили? – спустившись с небес на землю, задал первый каверзный вопрос компетентный собеседник.

– Да, знаете ли, как-то еще не сподобился, – Саша хотел добавить «милостивый государь», чтобы вести диалог в заданном ключе, но воздержался.

– Нехорошо, (батенька! – как бы звучало) вам срочно необходимо это сделать! Ведь вы, Щеголев, принимаете участие в международных выставках, представляете лицо института...

– Да-да, непременно, вот прямо сейчас пойду и запишусь, – и Саша сделал движение, чтобы встать.

– Немного задержитесь! – голос «Ивана Ивановича» приобрел металлические нотки. – У меня есть для вас, Александр Владиславович, дельное предложение. Вы, как творческая личность, общаетесь с широким кругом людей, бываете по службе в разных городах и знаете, так сказать, общество изнутри...

Молодой человек сделал многозначительную паузу, но и Саша был не лыком шит, он, конечно, уже догадался к чему этот разговор.

– Мы, – с нажимом произнес вельможный вымогатель, – гарантируем вам свободу общения, быстрый рост по службе, восстановление в Мухинском училище и многие другие льготы, а вы, товарищ Щеголев, должны будете информировать нас о ваших встречах и впечатлениях. Обязуюсь вас особенно не тревожить, – «Иван Иванович» расслабился, – Мне кажется, что история ваших недавних приключений в армии, да и несчастий всей семьи Щеголевых в прошлом, должны способствовать принятию вами положительного решения.

Даааа, подготовился к разговору товарищ, знает ведь, что я безуспешно пытался восстановиться в Мухе. Следили, что ли? А на счет быстрого роста по службе, Саша уже имел свое мнение. Он работал в должности Старшего художника и донимал то начальство, то отдел кадров риторическими вопросами о звании в должностных инструкциях Ильи Ефимовича Репина или приставал к парторгу с инициативой по введению по всему Советскому Союзу таких должностей, как – Старший поэт, Главный писатель или, скажем, Младший критик. С этим вопросом, по крайней мере, ему было все ясно, и Саша перешел к другому.

– Простите, а под свободой общения вы что имеете в виду, – осторожно поинтересовался Щеголев, – до каких границ она, эта свобода, будет простирается?

– Это вы мне бросьте, Александр Владиславович. Мы оба понимаем, о чем речь. Я хочу только предостеречь вас от необдуманных решений.

– Конечно-конечно! Именно поэтому, Иван Иванович, я прошу вас дать мне подумать, – интонацией Саша как бы поставил точку.

– Хорошо. Я вас найду, товарищ Щеголев.

Не сомневаюсь! – уже в дверях подумал Саша.

Интересное, вообще-то, предложение: «шифрованные донесения», конспиративные квартиры, слежка за «объектом», сокровенные тайны родины...

«Подвиг разведчика» какой-то или «Мертвый сезон»...

Наверное, и оружие выдадут!

Сегодня, на седьмом десятке лет, оглядываясь назад, Владислав Александрович Щеголев мог сказать, что достиг заветной цели всей жизни, – выжил! А, выжив, несмотря ни на какие преграды, получил высшее академическое образование. И еще одно желание, кажется, сбылось на склоне лет – от него все отстали.

Все!

Слава Богу, он никому больше не нужен! Ни компетентным органам, ни жилконторам, ни социалистическим работодателям!

Все мытарства позади – Владислав Александрович вышел на пенсию. Теперь, на этом заслуженном и выстраданном отдыхе, как ветеран войны и труда, он имел стабильный доход в виде повышенной пенсии, имел комнату в центре города рядом с Дворцовой площадью, дачу в 40 минутах езды, кое-какие накопления и полный покой! Господи, полный покой – какое счастье!

И никто теперь не смеет его беспокоить. Повторяю, не с-м-е-е-т! Тем более что по случаю двадцатилетия Победы В. А. Щеголева отметили правительственной наградой, и в райвоенкомате даже не пришлось заполнять анкеты о социальном происхождении, и при вручении юбилейной медали военные чины не задали ни одного провокационного вопроса.

Всё! Мирские дела завершены. С чистой душой можно заняться подведением итогов, предаться любимой живописи и разобрать накопившийся архив.

Правда, оставалась еще его семья, то есть, точнее, сын, который стал совершенно не управляем и не хочет слушать дельных советов отца. Но и эти так называемые родственные посещения и само общение можно ограничить. Всё в меру. Главное – покой!

Одно время Саша радовал Владислава Александровича, – он много рисовал, учился хорошо, занимался во Дворце пионеров и был хоть и живым, бойким мальчиком, а все же не сорванцом. Позже, когда Саша подрос, то он очень изменился, и отец стал проявлять озабоченность занятиями сына. Это все Тамара виновата, с ее либеральным отношением к воспитанию, считал Владислав. По мнению Щеголева-старшего Саше надо было уделять больше внимания академическому рисунку и специальной учебе, а не каким-то легкомысленным занятиям этой дикой, невообразимой музыкой и веселым компаниям. Ах, если бы он, отец, мог активней влиять на поведение сына. Щеголев и так чуть не каждую неделю выговаривал Тамаре о никчемных увлечениях Александра, но хоть об стенку горох, никто не желал его понимать и они, видите ли, не считали нужным усилить контроль за поведением и интересами сына. Вот если бы они с сыном жили вместе, то Владислав Александрович уж научил бы Сашу уму разуму...

Хотя нет, совместная жизнь не для него. Исключено!

Владислав Александрович уже не мог себе представить, как это можно жить с другими людьми бок о бок. То, что люди в подавляющем большинстве своем были ему, Щеголеву, совершенно чужими, он понял давно, и после собственных неудачных жизненных коллизий, больше уже не делал попыток сблизиться с кем бы то ни было. Он и в молодости-то плохо сходил с людьми. Видимо, повышенные требования Владислава к личностным отношениям вызывали у окружающих ответную, не всегда адекватную реакцию. Он, проживший почти всю жизнь по чужим углам, умел, конечно, ладить с соседями и сослуживцами, оставаясь в строгом душевном отдалении, но и только.

Последний родной человек – сестра Александра, адмиральша и светская дама, тоже давно перестала отвечать жестким требованиям Щеголевской морали и суровых канонов, исповедуемых Владиславом.

После скоропостижной смерти Петра Федоровича и от сестры, и от всей семьи Грановичей Щеголев также отдалился, хотя он всегда помнил об их помощи в тяжелые годы. Владислав изредка навещал сановную родственницу и помогал воспитывать, оставшихся без твердой мужской руки, ее детей. Советами.

Но в середине пятидесятых годов и эта, относительно спокойная Щеголевская пристань родственного отдохновения, погибла безвозвратно – трагическая случайность, детская шалость унесла из жизни надежду Грановичей пятнадцатилетнего Евгения, младшего сына Петра Федоровича и Александры Александровны. Дом адмирала рухнул окончательно. Сестра еще не пережившая смерть мужа, теперь потеряла и любимого сына. Смысл жизни пропал, и большой, когда-то оживленный и гостеприимный дом Александры опустел уже окончательно.

Через десять лет скончалась и сама Александра Александровна, – любимая сестричка Туся, писавшая вирши, ставившая спектакли и наполнявшая жизнью их чудесный дом в Песчаном.

Что ж нам еще готовит судьба-злодейка? Вся жизнь – прахом?

Владислав Александрович, стоя над могилой сестры, в который уже раз обратился к прошлому. Он перебрал всю их прошлую жизнь – трагическое время октябрьского переворота, страшное сталинское лихолетье, тяжелые годы войны, смерть мамы и Грановича, вспомнил чудесные спасения от надуманных злой волей напастей. Было все. Казалось, что весь мир ополчился на них. Пережив в одну минуту всю свою жизнь, Владислав Александрович, к ужасу, пришел к неожиданному выводу, что все было... напрасно.

ВСЕ НАПРАСНО?!

Вся жизнь прожита во имя спасения самой жизни. И что?

И брат Борис, и мама, Екатерина Константиновна, и папа, Александр Александрович, и вот теперь сестра ушли, сбежали от Владислава, оставив опять его одного в темной холодной комнате, как когда-то в далекой Кашире. Владик хотел заплакать, позвать маму, крикнуть – ну, придите же, придите, я не могу больше быть один...

Но никто уже не скажет:

– Чего ты воешь, здесь твоя мама, никуда не делась!

Та, что смеялась над мальчиком, говорила так, теперь тоже лежала в могиле.

Он очнулся. Седина и возраст уже никогда не позволят ему никого позвать, не позволят горько заплакать. Да и звать-то было больше некого и незачем.

Все что могло свершиться – свершилось.

Больше ничего не будет. Спектакль, который поставила его Туся, закончился.

Сегодня, пребывая в одиночестве, он, как и сестра в последние годы, все чаще и чаще погружался в такие тяжелые, но такие прелестные времена молодости, юной силы и безудержного упорства. Упорства не сомневающегося в своей правоте молодого человека, стремящегося просто жить достойно. Крутые годы непрерывного сопротивления вся и всем! Они, те люди и те годы, были так прекрасны!

И вот все, о чем мечталось, достигнуто! Ура!

На краю могилы.

Но Господь за все его мытарства преподнес Владиславу главный подарок. После того как он, похоронив всех близких, и сам уже подвел черту под своим жизненным путем, Щеголеву было даровано еще двадцать пять лет спокойной жизни!

И эта первая милость пришла именно сейчас, когда все уже было завершено...

Дружба для Саша Щеголева была чем-то святым. Он так и заявлял окружавшим его родителям и знакомым девушкам, претендовавшим, если не на сердце, то хотя бы на его руку – да, да, вот так, не стесняясь, и заявлял в стиле Николая Крючкова: прежде всего друзья, а уж потом девушки и все остальное! И действительно, юный Щеголев, прошедший уже армейскую школу

человеческих отношений, считал мужскую дружбу чем-то совершенно незыблемым и не поддающимся сомнению!

О, юношеский максимализм!

Изначально по природе доверчивый и добрый, Александр так и относился к друзьям и людям вообще и, соответственно, ждал подобного отношения и к себе. Конечно, подобная доверчивость граничила с глупостью, но что-то, а глупость Щеголеву была не свойственна.

Заметим, заглядывая в далекое будущее, что он таким и останется до последних дней, хотя много раз разочаруется в отдельных субъектах и набьет себе здоровенных душевных шишек, но все равно будет твердо убежден, что такое отношение к людям является единственно верным. Как-то он сказал при очередной неудаче:

– Этот парень еще не доказал мне, что он плохой человек. Он просто ошибается. И не понимает, что хуже будет, прежде всего, ему. Видимо, еще не успел понять, бедолага...

– Как же ему? – возразили Александру, – пока что тебе! А он и в ус не дует! Ему наплевать, что он подставил тебя!

– Нет, я все равно выйду из положения с какими-нибудь восполнимыми материальными потерями, а он останется навсегда с необратимыми душевными, как бы не хорохорился. Все равно, в любых обстоятельствах, каждый человек, совершивший подлость, понимает, что он подлец. От себя не уйдешь. И улицу при встрече перейдет первым он и руку не осмелится протянуть именно он, а не я. Будете спорить?

– Да черт с ней, с рукой, он тебя на деньги опустил! На приличные деньги!

– А что деньги? Ты думаешь, они ему на пользу? Или мне в убыток? Я что завтра на паперть пойду? А то, что я не стал с ним препираться и не наказал его, хотя мог, не волнуйся, зачтется! И восполнится стократно, спорим?

Тем не менее, несмотря на праведные рассуждения, подобные казусы частенько случались со Щеголевым, и только потом, став зрелым умудренным человеком, он смог реально осознать, что был прав всегда, в то время как очень много его приятелей – здоровых и процветающих, хитрых и ловких, надменных и указующих, сгинули в безжалостном водовороте жизни и большинство из них – навсегда.

А он остался. При своих. При своих друзьях и любимых!

Расхожее выражение: Спокойная совесть – лучшее снотворное! Смешно?

Нет.

Это правда. Щеголев это хорошо знал.

Так вот, вернемся к друзьям.

Друзья у Саша были замечательными, еще школьными. Все ребята жили неподалеку и в разное время, но обязательно, учились в той самой, родной школе. Потом прибавились друзья-художники и музыканты, друзья-коллеги, но тоже верные и надежные, как думал Александр, друзья на всю жизнь!

Кстати вспомнить, ведь выручили Сашку из беды в армии именно друзья, прояснив в КГБ на Литейном истинную ситуацию с «тайными обществами». Саша, вернувшись в Ленинград, узнал, что всех ребят, более-менее причастных к этому «делу», включая Якова Михайловича, вызывали в Большой дом и просили дать разъяснения. Дали. И, что удивительно, им поверили, и как уже потом рассказывал лучший друг Гошка Фадеев, ленинградские чекисты просто посмеялись над бдительными владимирскими контрразведчиками. Одним словом – не имей сто рублей...

И жизнь показала с самого начала, правда, тогда еще жизнь детско-юношеская, что Саша умеет дружить – чего стоит хотя бы их многолетняя дружба с Юркой Петровым!

Но, когда Саша попытается через тридцать лет на рубеже веков отыскать Петрова, он этого сделать так и не сможет...

По недостоверным слухам, Юрка уедет в вождленную Америку насовсем. Это случится во время вынужденного «отсутствия» Щеголева, и ему было как-то горько от того что они так и не увиделись перед отъездом, и Петров ничего ему не сказал, хотя бы на прощанье.

В туристские походы верные друзья – Пашка, Гошка, Сашка и Игорь Князев, отдавая дань тогдашней моде поисков туманов и запахов тайги, ходили чуть ли не каждую неделю. Для них это было не только модой. Оторваться от зарегламентированной жизни, от забот, да и от опеки родителей и стать совершенно самостоятельными добытчиками было просто необходимо в их возрасте. Мальчишки набирали жизненный опыт! Они добывали провизию, выючили неподъемные рюкзаки и каждые погожие выходные отправлялись в свою «чудню» деревню, которую они обнаружили при необычных обстоятельствах. Точно, как у Стругацких в «Улитке на склоне». **у**

История была такая.

Встретившись на Финляндском вокзале, ребята сели в электричку и прямо здесь, в последний момент, решили изменить планы и пойти в поход по новым местам, доселе неизвестным.

Вскользь упомянув в разговоре о комплектации рюкзаков, они неожиданно выяснили, что никто не взял никакой провизии. У каждого имелись, конечно, такие чрезвычайно нужные в походе предметы как портвейн, гитара, фонарики, мячи, карты, приемники, но про еду все «забыли», понадеявшись друг на друга. А шли на три дня. Пришлось в Орехове в каком-то ларьке купить самое необходимое, без деликатесов и домашних котлет.

Этим мелким казусом Провидение предупредило наших друзей – не ходите туда, удачи не будет. Но беззаботные и самоуверенные туристы не вняли знаку! Вообще судьба еще не раз будет слать Щеголеву свои предостережения, увидеть и понять которые он не всегда сможет.

От станции решили пойти куда глаза глядят, но на запад, и, пройдя приличное расстояние и преодолев лесные завалы и буераки, остановились у лесного озера на пригорке. Озерцо, находясь в глубокой природной котловине, словно волшебное зеркало, было абсолютно круглым и ясным. Драгоценной оправой ему служили крутые берега, заросшие корабельными соснами и пушистыми сизыми елями. Что-то неуловимо волшебное присутствовало здесь, как в сказках Бажова с их старушками-синюшками и безрадостными сокровищами, а от неподвижной глади воды, подернутой легкой дымкой, веяло не то мрачным финским эпосом, не то былинами о русалках и утопленниках, но было красиво. В разыгравшемся воображении уже слышались гуканье филина и заливиный смех кикиморы. Было пронзительно тихо и покойно.

Путешественники царственно оглядели эти таинственные окрестности и решили, что лучшего места им не найти. Первым делом ребята разбили лагерь и разожгли костер, и он, как полноправный и, наверное, главный участник экспедиции, сразу придал их первобытному становищу обжитой и реальный вид. Слава Богу, предметов культурного досуга было в избытке и друзьям было чем заняться. В конечном итоге, – что может быть прекрасней карельского леса и свободной дикой жизни?! И три дня – с рыбалкой, играми и песнями пролетели незаметно, пора было собираться домой.

Но на обратном пути ребята сбились с направления и заплутали. К вечеру, уже уставшие, они, наконец, набрали на какую-то неизвестную деревню, которой даже не было на «километровой» карте. Но деревня не откликнулась на радостные призывы путешественников. Редкие прохожие на вопросы не отвечали и, отойдя на обочину, молча смотрели на путешественников...

Друзья недоумевали.

А сама деревушка была живописна и ухожена. Она располагалась в зеленой низинке, а на пригорке, сквозь явно парковую растительность, просматривалась белокаменная усадьба. Дорога вилась по обыкновению посередине деревни и, в конце концов, должна была вывести туристов к какому-нибудь общественному пункту – сельсовету, почте или клубу.

Дошли до обязательного магазина – центра культурно-хозяйственной жизни любой деревни. Но и тут особой радости путники не почувствовали. Было пустынно и неуютно. В чем же дело? Ситуация уже и вправду стала действовать на нервы.

Саша зашел в магазин. За прилавком кто-то копошился.

– Здравствуйте люди добрые! – Щеголев проявил все возможное в данной ситуации уважение, – скажите, пожалуйста, хозяева, что за деревня такая у вас нелюдимая? Мы с пути сбились, а нам на станцию надо.

И опять тот же странный взгляд исподлобья!

– А это и не деревня, – откликнулась, наконец «продавщица» и опять скрылась в недрах лабаза. Честное слово, нашим путешественникам уже стали мерещиться лешие и всякая другая нечисть. Вспомнилось все русское народное творчество, включая тех же популярных братьев Стругацких – от «Понедельника...» до «Трудно быть...».

Но тут в магазин вошел человек в белом халате и ласково спросил:

– А вы как сюда, на закрытую спецтерриторию, попали, ребята?

– Что еще за закрытая территория? – Саша не очень удивился, почему-то он был готов ко всему, – заблудились мы в лесу, к станции дорогу ищем!

Повылезавшие невесть откуда «селяне», жались по стенкам.

– А-а, вы – туристы. Понятненько... А я врач. Психиатр. И здесь, к вашему сведению, закрытый психоневрологический диспансер!

– Ну что же, раз так, забирайте нас к себе, если здесь все такое закрытое и безвыходное, никто ничего не знает, и сказать не хочет!

Но дорогу добрый доктор все-таки указал, правда, почему-то, как выяснилось позже, в другую сторону. Ребята, проплутав еще пару часов и уже точно понимая, что начинают прогуливать завтрашнюю работу, заночевали опять в палатках на душистом лапнике. Чем и хороши походы – никаких городских условностей, где хочешь – спи, где хочешь – ешь, а где хочешь и... Правда, еды уже не осталось.

Но на этом злоключения ребят не закончились. Пашка, установив кое-как свою индивидуальную палатку, не пожелал в темноте рубить «фирменный» лапник и проснулся в огромной луже. И, конечно, тут же заболел. Причем серьезно, с высокой температурой, которая ощущалась даже на расстоянии. А до Орехово, наверное, было километров десять. И неизвестно в какую сторону...

Князь залез на самую высокую елку и попытался сориентироваться. Какую-то ЛЭП он заметил, а, следовательно, где-то рядом была цивилизация и железная дорога. Естественно, на Карельском перешейке между двух «морей» заблудиться было невозможно, все равно рано или поздно куда-нибудь выйдешь, но положение становилось серьезным из-за Пашиного состояния. Он буквально бредил.

Ребята разделили поклажу и по очереди на себе понесли Пашу. При этом он брыкался и рассказывал анекдоты. Но сам идти не хотел! Когда его сажали на пенек, чтобы передохнуть, то Паша начинал сильно стонать и закатывать глаза. Вообще-то ему можно было верить, но надо было знать притворщика Пашку, и поэтому ребята периодически высказывали ему свои сомнения в тяжести заболевания. Но делать нечего – друзья познаются в беде!

Одним словом, до станции незадачливые путешественники все-таки дотащили больного. Плюс рюкзаки и мокрые палатки. Но что примечательно, потом они уже ничего никогда не забывали, больше не терялись, а Пашу спасли, чуть ли не от смерти! Видимо хорошо им прочистила мозги Волшебная деревня.

Вот так, казалось бы, в мелочах, и проверяется железная мужская дружба!

Эта юношеская дружба Паши, Гоши, Игоря, Володи Иванцова и Саши еще долгие годы проверялась всевозможными приключениями и происшествиями и, надо сказать, выдержала проверку.

Сашка Щеголев мог вполне гордиться своими друзьями, что и делал. Он сохранил на всю жизнь то чувство полного доверия и уважения к своим друзьям. Даже тогда, когда судьба позже подразвела их пути-дорожки.

А в «чудню» деревню они ходили еще несколько раз. И всегда находили в том необыкновенном мире настоящей мужской дружбы все новые и новые душевные сокровища, и в каждом походе продолжали открывать неожиданные, все новые и новые прекрасные стороны человеческих отношений! И судьба больше не строила им каверзы! у

«Вечерний Ленинград», 16 апреля 1979 года.

ГЛАВА 2

Построение развитого социалистического общества явилось главным итогом всех социально-экономических преобразований, осуществленных советским народом под руководством Коммунистической партии. Сбылось предвидение великого Ленина, который подчеркивал, что социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития». Как отметил на XXIV съезде КПСС генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, у нас утвердилось, стала реальной действительностью новая историческая общность людей – советский народ. Эта общность сложилась на основе коренных изменений в экономической, социальной и духовной жизни общества, на основе развития в нашей стране социалистических наций, между которыми сложились отношения нового типа.

Что такое след во времени, в памяти? Почему нечаянное слово, легкое воспоминание вновь и вновь, как на яву, приводят к сильным переживаниям? Почему мимолетное эхо своей или отголосок чьей-то чужой жизни возвращает нас к делам давно минувших дней?

А Юрка Петров был для Сашки совсем не чужим. Наивный Щеголев полагал, что юношеская дружба – это как в песне, как в клятве – на всю жизнь и, даже став взрослым и умным, терялся, когда видел что все совсем не так...

Аэропорт «Пулково» окунал любого здесь присутствующего в таинственную и магическую атмосферу дальних странствий.

Морозный и солнечный январский полдень. Саша ожидал самолет из Симферополя. На побывку должен был прилететь молодой моряк Юрка Петров. Он уже отслужил два года на Черноморском флоте и заслужил отпуск. Да, неразлучные друзья так надолго не расставались еще никогда! Два года – для быстротекущей юности это серьезный срок. Сашка с волнением ожидал встречи. Конечно, ему не хватало друга, с которым они провели вместе хоть еще и короткую, но всю свою сознательную жизнь.

И вот объявили посадку долгожданного рейса, вот самолет вырулил к аэровокзалу, вот показались первые симферопольские пассажиры...

Наконец-то появился и Юрка – высокий, загорелый, статный моряк в военной форме с развевающимися ленточками бескозырки! Странно и непривычно было видеть знакомое, родное лицо в обрамлении строгих погон, якорей и «орденов». Но это был он, дружище Юрка!

Ребята крепко обнялись, будто не виделись сто лет, потормошили друг друга и, сияя от радости и забыв об окружающих, принялись за расспросы: «как ты?», «ну что там?», «какие новости?»...

Неделя отпуска пролетела как один миг. За это короткое, но очень емкое время Юрка и Сашка вместе с ним как будто чужими глазами, со стороны, увидели Ленинград, друзей и даже собственную жизнь. Эта неделя, несмотря на свою кажущуюся бесшабашность и праздничность, придала Саше какую-то новую, серьезную черточку, заставила как-то иначе взглянуть и на себя, в том числе. Ведь одно сознание того, что вся эта отпускная мишура вот-вот кончится, и у Юрки наступят действительно суровые будни еще на год, заставляла все время помнить о Будущем. Очень скоро Саша на себе испытает это судорожно-радостное состояние, приехав в отпуск из собственной армии на такую длинную и такую исчезающе короткую отпускную неделю...

Но время, отпущенное суровыми черноморскими капитанами, истекло, пора было с Юрой прощаться. Опять аэропорт. Самолет.

Они расставались. И никто из них не догадывался, что по сути они расстаются уже на всю жизнь, навсегда. Пока Юрка будет служить третий год, Саша уйдет в свою армию на два года и эта долгая разлука станет определяющей в их судьбе. Нет-нет, через несколько лет они еще не раз встретятся, будут мимолетно общаться, опираясь на старую дружбу, но, безоговорочное

доверие, какая-то неуловимая близость и чувство юношеского братства до гроба, незаметно растворяются и вскоре пропадут совсем...

Безвозвратно.

Все когда-нибудь кончается, прошло и это...

Мы меняемся?

Взрослеем?

Нами овладевают другие страсти?

Другие интересы?

А когда Саша вернулся из армии, Юра уже был неожиданно женат на Кате Бабиц – их однокласснице, имел сына и, отгуляв лихую послеармейскую вольницу, зажил такой необычной, обстоятельной семейной жизнью.

Друзья недолго поработали вместе в Зональном институте, их все еще сближала музыка и новая группа «Синяя птица», в которую Юра сразу после армии пригласил Сашу, но и это продлилось не долго, так как вскоре Петров отошел от музыкального увлечения, поставив перед собой новую великую цель, – купить автомобиль.

И не просто какую-нибудь машину, а новые «Жигули» последней модели. Мысль была, конечно, благая, – кто ж не мечтает? – но вряд ли осуществимая простым молодым человеком в Советском Союзе в семидесятых годах.

И такая воистину грандиозная цель жизни требовала для своего достижения всего человека без остатка. Вполне как у Гете. Шутка ли, имея семью, заработать еще при собственной жизни с зарплатой в сто пятьдесят рублей в месяц – шесть, семь тысяч!

Но Петров стартовал на побитие рекорда.

Юрку не смущали «сложные» обстоятельства добычи средств и он, бросив всех и вся, ринулся в пучину битвы «за металл»!

Сашка, честно говоря, не ожидал от старинного друга, которого он знал как облупленного, такого упорства и даже, можно сказать, упрямства. Правда, задатки подобных стремлений Саша замечал и раньше, – когда они еще работали вместе в Зональном, Юрка удивлял Щеголева приступами модной тогда «фарцовки» с целью обогащения или совершенно серьезным желанием уехать на работу в Тынду или Анадырь, и совсем не за туманами и запахом тайги, а конкретно – за добычей «северных» денег. Именно на этом вопросе Юра концентрировал мысль при расспросах в отделе кадров по найму в эти столь отдаленные места.

Саша, захваченный по простоте душевной романтическим порывом завоевания Арктики, первоначально поддержал идею, но трезво прикинув – оно мне надо? – остыл и даже попытался отговорить друга. Но Юра уже умножал месячную гипотетическую зарплату на количество лет контракта и получал заманчивые цифры.

Но не сошлось.

И пошел Юра Петров зарабатывать деньги в родном городе. А где можно быстро заработать в советской стране кроме Севера? В ресторане! Официантом! И не надо ничему учиться. Ну, разве что, хорошим манерам и дежурной улыбке. Впрочем, в советском ресторане не требовалось даже этого.

Спустя пару лет Сашка и Серега Огольцов решили навестить Петрова на месте службы. Юра к тому времени уже серьезно продвинулся на поприще общественного питания и работал в самом шикарном и популярном ресторане Ленинграда – «Невском», куда и попасть-то было проблемой. Но для своих «черное кирильцо», как говорил Аркадий Райкин, всегда было открыто.

Друзья встретились с Юркой в просторном зале на третьем этаже, и, обменявшись новостями, приступили к совместной трапезе с увеселениями. Встреча была радостна и приятна кажется для всех, но была совершенно необычна тем, что хлебосольному хозяину казенного дома, роль которого, естественно, выполнял Юра, за радушие приходилось платить деньги.

Саша сидел за столиком и вспоминал их беззаботные пирушки дома у него или у Юрки, когда настоящий хозяин праздника готов был в лепешку расшибиться, чтоб угодить гостям. Причем бескорыстно.

Но не в этом было дело, все понимали – работа есть работа. Просто видеть друга, прислуживающего по обязанности, было неприятно, хотя трезво рассуждая, Саша понимал, что все профессии, конечно, хороши и уважаемы, что советскому человеку везде у нас почет и так далее в том же духе, но... Но, что-то заставляло и Сашку и Серегу вставлять в разговоре «шпильки» по поводу «гарсонов» и «половых», а Юрку их безропотно «глотать». Видимо, Юра справедливо считал, что клиент всегда прав. Да, конечно, так оно и есть!

Как бы там ни было, а Саша Щеголев чувствовал себя почему-то очень неловко, да и Юрка, когда Серега «прищучил» его на недолгие порции вина, тоже совсем потерялся, справедливо сославшись на буфетчика, но праздничный вечер был окончательно испорчен. Горькие строки о потерянной дружбе, но так было. Щеголев не судил друга. Ни в коем случае. Но какая-то фальшь на их пирушке присутствовала.

У каждого своя жизнь и своя правда – их не подгонишь под себя.

А машину – «Жигули-ВАЗ-2102» Юра Петров все-таки купил и довольно скоро. Первым среди их ровесников! Саша только раз прокатился на Юркиной «тачке». А, наверное, мечтал: вот порулю-то всласть на друговом автомобиле! Но не случилось.

Тем не менее, у Саши Щеголева остались о Юрке Петрове, который уже в скором будущем исчезнет из Сашиной жизни бесследно, только добрые и хорошие воспоминания. Воспоминания первой мальчишечьей дружбы, первых юношеских открытий, первых вселенских испытаний, которые сильнее сильного связали их, наверное, навсегда.

Что бы не говорили друзья и знакомые про их отношения, а нелцеприятные высказывания были, Щеголев останется в душе верен старой дружбе на всю жизнь. Их отношения были первым важным сознательным выбором Щеголева и основой формирования его характера. И Саше повезло, что он прошел эту еще узкую изначальную линию судьбы вместе с верным и надежным Юркой Петровым.

Жизнь сыграла с Александром Щеголевым еще одну шутку: он поступил в Художественно-графическое училище Высшей Партийной школы при Ленинградском Областном комитете Коммунистической Партии Советского Союза! Это даже не выговорить!

А как это удалось беспартийному, вечно диссидентствующему и занесенному в «черные списки» Александру, ведомо только Богу, если Он, конечно, имеет хоть какое-то отношение к вышеназванной организации. Это можно было бы принять за выдумку, но это правда.

Учеба в столь закрытом и «элитном» высшем коммунистическом заведении в творческом плане мало что дало Саше, но опять же – друзья! В Партийной школе у него появились новые друзья-художники. И, что интересно, совсем не идеологические фанаты.

В те советские времена учеба в подобном заведении давала много преимуществ на ниве социалистического реализма. А уж на поприще коммунистической пропаганды, так и вообще рай. Любому парторгу, как работодателю и организатору наглядной агитации, было трудно спорить с выпускником ВПШ!

Как у Высоцкого про тех же сумасшедших!

В эту «школу» Саша поступал вместе с Сергеем Огольцовым, давнишним другом по музыке и творчеству вообще. Сашке всегда было проще что-либо делать с кем-нибудь на пару. Такой уж он был человек.

Сталкиваясь с трудностями, невзгодами Щеголеву всегда было необходимо чувствовать плечо «друга», соратника и вместе с ним пережить очередную темную полосу жизни. Ведь друг всегда поможет, утешит, все объяснит и скажет:

– Это судьба... Пойми и смирись... Начнем сначала!

Правда, в этой роли чаще выступал сам Александр.

В стране царил полный партийный порядок, как потом выяснилось, именуемый «застоем». Порядок, доводящий до одури, то есть до алкоголизма, бандитизма и прочих антиобщественных, чуждых нашему прогрессивному обществу, явлений. Даже советские лидеры, не на долго очнувшись от летаргического сна, стали понимать – надо что-то делать.

В очередную «очистительную» кампанию по сплочению рядов партии против идеологических диверсий Центральный Комитет КПСС решил вразумить и художественную элиту. Так сказать, поставить на истинный путь свой авангард застрельщиков и популяризаторов идеи всеобщего равенства и братства, возвратиться, так сказать, к временам «Окон РОСТА». В общем, новые луначарские выпустили циркуляр о повышении социалистической компетенции художников на местах. То есть, было приказано вправить мозги.

Коммунистические идеологи во главе с неувядающим Михаилом Суловым наконец-то перешли к новым методам и решили создать Художественное училище при ВПШ для простых советских богомазов и вождеписцев. Дело было новое, перспективное – и грех было не воспользоваться!

И Александр с Сергеем с каким-то хулиганским азартом и без сомнений решились поступать.

Помимо общих художественных и композиционных экзаменов, необходимо было представить развернутое направление от предприятия и, главное, рекомендацию от парткома! А Щеголев не был даже комсомольцем. К тому же он тогда еще работал в Зональном институте и опасался, что слух о его ходатайстве дойдет до Первого отдела и тогда уж точно крышка! Ведь свое обещание «Ивану Ивановичу» он не выполнил и в творческом поиске не «нашел» себя среди бойцов невидимого фронта.

Но как-то все образовалось, и Саша поступил-таки на декоративно-художественный факультет, с блеском пройдя все экзамены и собеседования.

О самом ученье в этом странном заведении можно сказать, что оно, тем не менее, было достаточно плодотворным, хотя бы в общем понимании таких художественных величин как цвет и композиция Коммунизма, размер и форма Советской идеологии. Кстати, одним из курсовых проектов была именно композиция на тему «Великая Октябрьская Революция – главное событие XX века!». Без комментариев.

Саша с Сергеем занимались на курсе прославленного графика (как он сам себя называл) Левона Айрапетянца. Товарищ Айрапетянц, прежде всего, поражал студентов своим изысканным видом европейского денди и, конечно, такой же изысканной риторикой. Лектором он был интересным и замечательным, но Щеголеву за весь период обучения удалось увидеть только одну работу уважаемого ректора, выставленную почему-то в Музее Этнографии. Но это мелочи по сравнению с мировой революцией. Левон Ервандович действительно заслуживал уважения, граничащим с восхищением одним тем, что он рискнул влить в стройные ряды и колонны партийного и художественно-социалистического образования столь крамольную массу, как действующих художников-оформителей.

На курсе встречались, конечно, иногда и комсомольцы, и члены партии, но в основном в прекрасных аудиториях великолепного Дома Политического Просвещения на площади Пролетарской Диктатуры напротив Смольного института Ленинградского Обкома КПСС занимались оголтелые антисоветчики и политические циники.

Таким образом, для Щеголева наглядно подтвердился факт того, что не все социалистические реалисты были реальными социалистами!

Действительно, училище наполняли разные люди – «зубр» наглядной агитации Рудольф Дериф, юный Боря Эскин, похожий на Карла Маркса в молодости, рассудительный до тошноты «дядя» Коля Стругов, суматошный фотограф Женька Мальков и еще много других оригинальных личностей.

Одним из таких оригинальных был и Володя Птицын, который в их творческом коллективе особенно отличался своим здравым цинизмом. Птицын был шутником и балагуром, но в меру, без настырности. Он был легок в общении, открыт и прям. И эти качества Володи позволили Саше продлить их дружбу на долгие годы. А изначально они сошлись опять же на почве рок-н-ролла. Как уже говорилось ранее, Володя еще совсем недавно играл в знаменитой группе «Россияне» и поговорить «старым» рокерам было о чем.

Щеголев в конце века, встретившись с Володей после значительного перерыва, отметил, что он, в отличие от многих и многих других художников, не изменил профессии, а как человек, несмотря ни на какие «трудности», остался тем же самым оптимистичным шутником и добрым издевателем. Птицын, не в пример лучшему Сашину другу Огольцову, никогда не кривил душой. И «виртуозные махинации» Сереги теперь они уже переживали вместе, понимая ухмыляясь при очередных завихрениях приятеля.

Вместе с Володей Саша сотрудничал в многотиражках, оформляя заставки и делая иллюстрации к производственным и бытовым статьям. Как-то Саше досталась благодатная тема – фонари и решетки Ленинграда, продолжавшаяся из номера в номер. Работа была интересной и денежной. Щеголев поделился ее частью с Птицыным, а тот в ответ предложил Саше сделать несколько карикатур на свободную тему в какой-то другой газете. Карикатуры стали вообще отдельной темой их работы, и «продукцию» Щеголева и Птицына печатали даже центральные ленинградские газеты. Такое было время – оставалось только сдержано хихикать.

Насыщенные событиями и знаниями учебные годы не прошли даром – помимо весомого диплома Высшей Партийной Школы и значительно повысившегося агитационного мастерства, Щеголев получил возможность завершить образование, но уже не партийно-художественное, а художественно-промышленное. Но судьба распорядилась по своему, и в дальнейшей Сашиней жизни никакие формальные дипломы уже не пригодятся.

Тем более, диплом ВПШ.

Однако этот диплом все же помог друзьям внести свой выдающийся вклад (как они считали) в оформление родного города. Да не где-нибудь, а у стен культового Смольного института – символа коммунистической власти всей страны!

Реклама в эти годы была представлена разве что афишами кинотеатров или абстрактными призывами летать самолетами Аэрофлота (других кампаний и не было, так что эта, часто неоновая, реклама призывала впустую). На многочисленных стендах художники рисовали совсем другие призывы: «Решения XX съезда КПСС – в жизнь!», «Экономика должна быть экономной!», образы Ленина в различных ракурсах с кепкой и без, и всякую другую галиматью, которой Сашу Щеголева классно обучили в ВПШ.

Какими-то неведомыми путями в руках у споен..., простите, спаянного коллектива друзей-художников оказался договор на оформление... забора! Но забор принадлежал Мебельной фабрике, был длиной в полкилометра и находился в центре города на площади у Большеохтинского моста! Знатный куш, достойный целого комбината Худфонда или членов Союза Художников, но достался он рядовым коммунистическим школярам! Задача была проста – преобразить серый унылый забор изображениями передовой продукции данного предприятия.

Саша сделал эскизы в стиле «поп-арт», их утвердили на уровне города, и работа закипела. Весь проект оценили в 12 тысяч рублей. Двенадцать тысяч рублей 00 копеек!!! Это две машины «Жигули», если перевести в осязаемое советское богатство или даже в роскошь.

До этого Сашка, как и все творческие советские люди, частенько «халтурил», то есть зарабатывал на стороне по официальным или липовым договорам, но это было даже в хорошем случае 1—2 тысячи рублей на всех, а здесь...

Да, денег было достаточно, но и сроки были сжатые. Собрали бригаду: Птицын, Огольцов, Забродин и Щеголев. Для быстрого, поточного метода расписали обязанности. Что было колос-

сальным подспорьем, фабрика обязалась сделать огромные планшеты с натянутым и загрунтованным холстом, а то раньше на других халтурах всегда приходилось делать их самим.

Страшным неудобством был размер и забора и, соответственно, планшетов. Приходилось сооружать мостки из подручных стульев и столов, балансировать на этих шатающихся сооружениях. Тогда Саша вспоминал Микельанджело и Рафаэля (не путать с испанским певцом), работавших по росписи соборов под потолком, и становилось сразу легче.

Иногда, для разрядки, музыкант Птицын затягивал:

– Меж берез и сосен инженер Савосин засосал ноль восемь...

– И в глазах, и в глазах его печаль, – подхватывал Щеголев модный мотивчик.

Или уже Саша начинал другую популярную песню:

– Так Птицын кричал, так Птицын кричал...

И Вова продолжал:

– Залейся, залейся, залейся!

В общем, несмотря ни на что, они справились, хотя иной раз приходилось работать и ночами, – все сделали в срок и с отличным качеством. Все, в том числе парторг и директор фабрики, были довольны. Об их творении даже появилась заметка в «Ленинградской правде» как о передовом опыте в пропаганде товаров широкого потребления.

Однако при распределении заработанных денег, как это обычно бывает при дележке несметных богатств, возникли сложности. Тогда Саша применил модный тогда «коэффициент трудового участия». Все было честно – учитывались старые проверенные колхозной практикой «трудо-дни». Даже не количество сделанных планшетов, а просто выход на работу, так как, например, Щеголев работал быстро, но потом приходилось «подчищать» за всеми для приведения к общему стилю, Володя Птицын медленно, но качественно, Серега всегда ответственно. Сашка Забродин, даже когда выходил на работу через раз, слонялся по залу или бегал в магазин за «допингом».

Когда Забродин являлся, прогуляв пару дней, все демонстративно радовались, а Саша все-таки строго спрашивал:

– Ты чего, на себя работаем, у нас же сроки?!

Печальный Забродин отвечал:

– Меня мама не отпустила, велела в прачечную сходить.

– Ты что в очереди в прачечную два дня стоял?

– Ну..., мама еще просила по дому...

Он считал, что его мама является для друзей высшей инстанцией. Все знали его отношения с жесткой мамой, и понять его могли, но дело есть дело. В общем, все остались довольны «коэффициентом», хотя получили по-разному. Кроме Забродина. Но и он потом признал, что все действительно честно.

Это был пример, можно сказать, первой в стране масштабной рекламы! Ничего подобного в истории Паблик рилейшн СССР еще не было! Да и Паблик рилейшн – PR – еще не было и в помине.

Получив деньги, Щеголев, по наитию, купил вожденный автомобиль, но не «Жигули», а старинный «Москвич-401», правда в хорошем состоянии и на ходу.

Все это веселое и плодотворное творчество для Саши кончилось печально. В конечном итоге машину в связи с его вынужденным затянувшимся «исчезновением» пришлось продать за гроши, от былых денег осталось только воспоминание, и эта коллективная работа стала последней перед более чем десятилетним полным забвением.

На улице Марата, на которой теперь жил Саша Щеголев, в самом центре Ленинграда, находились художественные мастерские известных и не очень известных художников. Но надо понимать, что даже не очень известные были членами Союза Художников СССР – всемогущей организации в сфере изобразительного искусства всей страны. Иначе никаких мастерских,

которые часто превращались в дополнительную жилплощадь, не получишь. По этой улице толпами бродили художники, и не было случая, чтобы Саша, выйдя из дома, кого-нибудь не встретил. Но о всех по порядку.

Одной из заметных фигур на Марата был Володя Сергеев. Не говоря о творчестве, заметной фигурой даже внешне – он был ростом под два метра, очень плотной комплекции и обладал пышной шевелюрой, которую он опоясывал белой ленточкой. Ходить по родной улице и Невскому проспекту Володя предпочитал босиком. Вот с таким типичным советским хиппи Саша и проводил время, мало чем отличаясь от него внешне, разве что ходил он в вельветовых ботинках.

На Марата Сергеев жил, а мастерская у него была на Мойке у Исаакиевского собора – чудное место. Из окна открывался замечательный вид, и Сергеев периодически писал этот один и тот же ленинградский пейзаж в разные времена года. Щеголев иногда притаскивал Сергееву халтуры, и они зарабатывали на жизнь совместным написанием портрета очередного генсека или разработкой какого-нибудь эскизного проекта. И если в портретах мастером был Володя, то уж эскизные проекты Саша намастрячил делать влёт.

Один такой проект, с привлечением еще одного их друга – Володи Алексеева, по оформлению витрин знаменитого Гостиного двора они выполнили за пару месяцев. А сколько там было витрин – уму непостижимо, столько обещали и денег. Друзья получили приличный аванс, и приступили к судорожной работе, для начала по обмеру площадей. Это был адский труд, так как никаких чертежей дирекция им не предоставила. И вот Щеголев с Алексеевым, наравне с манекенами, лазали по витринам универмага, пытаясь разобраться в кубатуре выставочных объемов и идентификации их в своих кроках. Пришлось даже каталог составить. Интересно, что все витрины были разными, и не удивительно – здание XVIII века архитектора Валлен-Деламота сто раз перестраивалось, и, естественно, коммерсанты за два века за соблюдением архитектурных пропорций не следили. Соответственно, как к памятнику архитектуры, и нужно было относиться, хотя это было трудно сделать реально – все внутри прогнило, и было покрыто слоем вековой пыли. Работа кипела, пыль стояла столбом!

Закончилось все неожиданно и странно. Без объяснения причин директор универмага отменил проект. Что там у них приключилось – торговая тайна, покрытая мраком. Хорошо хоть аванс оставили. Было очень досадно, ведь ребята проделали огромную работу, да и на Гостином дворе, как на главной торговой точке города, можно было сделать себе имя, но с торговыми работниками такого масштаба спорить было сложно, и с этим ничего нельзя было поделать.

У Щеголева дома еще долго лежали эскизы витрин с печатью «Утверждаю» Гостиного двора, которые он безуспешно пытался пристроить в другие магазины, говоря:

– Видите, принято в самом Гостином, мы просто сделали больше вариантов, чем им было нужно!

Иногда, то к Сергееву в мастерскую, то к Щеголеву на Марата заходили два неразлучных друга – Володя Добряков и Костя Елагин. Костя и на самом деле был каким-то пра-, пра-, пра-знаменитому графу, у которого, как известно, на Кировских островах был собственный дворец. Но сегодня Елагин не обладал ничем, он даже не был художником, но умел удивительным образом петь песни Битлз и одновременно изображать все гитары и ударные в одном лице. В поисках веселья, компании и признания собственных талантов, друзья совершали набеги на художественные мастерские, и на Марата их знали и принимали все. Костя и Вова не были навязчивыми ребятами, но иной раз, когда было какое-либо важное дело, они здорово мешали. Зато в минуты (или часы) творческого вдохновения, им не было равных.

Володя Добряков – сын генерала КГБ, с которым Саша познакомился на почве «безобразного» поведения сына (помогите, пожалуйста, справиться, говорил заслуженный генерал), тоже не был художником, но любил их, и любил танцевать. Он делал это при любом удобном случае, где бы не находился. А когда Костя заводил свою песню, Володя сразу пускался в пляс.

С ними невозможно было ехать в общественном транспорте: Елагин, становясь в позу посредине вагона, громко пел в сопровождении всех инструментов, а Добряков плясал свои замысловатые танцы. Народ думал, что они собирают милостыню, и иногда подавал. Щеголев не знал куда деваться. Но все равно это было смешно!

Костя, чудом получив квартиру в соседнем с Адмиралтейством доме на набережной Невы, внезапно умер. Добряков, на горе папе-генералу, после этого затерялся где-то в Ленинградской области, а здоровенный Сергеев в одночасье скончался в больнице от цирроза печени.

Щеголев терял друзей одного за другим, и не по своей воле или плохому характеру, такова была его горькая судьба, и с этим тоже ничего нельзя было поделать.

Да, жизнь сложная штука! И не только из-за смерти, но и из-за рождения. И с этой оригинальной сентенцией на этих страницах вновь появляется Автор. Вынужден появиться, так как Александр Владиславович Щеголев, по понятным причинам, просил особо не распространяться о его личной, интимной жизни, о его встречах и разлуках с некогда любимыми женщинами, Поверьте, Саша ничего не пытается скрыть – кому надо все известно, но он искренне просит прощения у всех им обиженных, даже если прощать нечего. Свою настоящую любовь он найдет много позже, и это примирит в его душе и прошлое, и настоящее.

Что ж, Автор не вправе перечить своему герою, и, только во имя хронологии, ограничится фактической стороной событий. Также по просьбе Александра эта часть полностью будет опубликована в следующей книге – «Вкус времени—4—5» о России XXI и XXII веков (того же Автора), чтобы сегодня не ставить героев этих событий в неловкое положение. Это будет рассказ о грустных и радостных, смешных и драматических пересечениях судеб людей, волею Господа так и не сумевших стать друг другу близкими.

Автор, к тому же, согласен с мнением всех Щеголевых, что очень личные дела, не требующие какого-либо общественного или иного активного вмешательства, не станут занимать читателей. Это несовременное убеждение сильно отличает и самого Автора, и Александра Щеголева от прочих «литераторов», гоняющихся сегодня за «жареными» фактами.

Очень трудно писать о персонажах ныне живущих, давать им оценки и судить их поступки. Мы, люди, можем это делать, только обладая всей полнотой информации о замыслах и действиях другого человека, а это, к счастью, невозможно.

А здесь раскроем только главный смысл этой будущей главы – рождение замечательных ребятишек Анечки и Никиты, вынужденная разлука с которыми, темной болью отразилась на всей остальной жизни Щеголева. Этой краткой фразой, содержащей в себе очень много событий и переживаний, Автор пока и ограничится. Но, безусловно, он обязуется по первому же требованию заинтересованных или пострадавших лиц, представить на суд общественности (и опубликовать в центральных органах), скрытые в этой главе стороны жизни и характера Александра Владиславовича Щеголева!

Бог нам судья.

«Советская Россия», 16 апреля 1975 года.

ГЛАВА 3

ЭСТАФЕТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Все члены нашей бригады целиком и полностью одобряют решения XXV съезда КПСС. Рады сообщить, что социалистические обязательства, взятые нами в честь партийного съезда, перевыполнены. Наш чабанский коллектив за четыре года выполнил два пятилетних задания. В первом году десятой пятилетки от каждой сотни овцематок мы обязались получить по 165 ягнят, настричь по 6,1 кг шерсти с каждой овцы.

Сейчас в отаре 880 овец. Все чабаны – и Гияс Гулиев, и Иншалы Ахмедов, и Гусейн Гусейнов – хорошо знают свое дело. В бригаде работает и мой отец Гасан. Теперь по традиции принял эстафету чабанского труда и я. В бригаду пришел после окончания школы. Сейчас учусь на четвертом курсе Азербайджанского сельскохозяйственного института.

Анализируя ситуацию, приведшую сначала к так называемому застою, а потом и к краху всей коммунистической системы, можно заметить, что советские правители во главе с горячо любимым Леонидом Ильичом Брежневым к восьмидесятому году двадцатого столетия полностью утратили чувство реальности и пребывали в каком-то потустороннем, Светлом Будущем, ничего общего не имеющим с действительностью. Весь процесс усугублялся преклонными годами всего руководства Советского Союза и нес легкий шизофренический оттенок. Это было заметно на любом уровне – на бытовательском, на профессиональном, на высшем политическом и даже на международном. А частые лобызания генеральных секретарей по любому поводу, говорили о хроническом характере явления...

Но народ и международная общественность наблюдали за происходящим отстранено и, в общем, лояльно. Парадокс заключался в том, что одни просто не могли поверить в это, а другие ни за что не хотели в это верить.

Слишком прозорливому обывателю карательные органы не давали и рта раскрыть насчет критики «объективных» обстоятельств, которые, по мнению властей, лишь временно мешали процветанию. Советские сатрапы всей мощью государственной пропаганды внушали народу, что все идет как надо, а, если и есть трудности, то они легко преодолимы.

Социалистические профессионалы – экономисты и политологи, гораздо лучше видевшие промахи во всех отраслях народного хозяйства, искренне верили в мифические скрытые резервы и нереализованный потенциал системы. Ведь нельзя же допустить, что вся Академия Наук СССР состояла только из одних приспособленцев и временщиков. В случае пересмотра, хотя бы только подходов к решению задач, академикам пришлось бы тут же расписаться в собственной несостоятельности. А этого лучшая экономическая школа – советская, не могла себе позволить.

Как и в любой духовной или гуманитарной области, где отсутствуют точные формулы и непоколебимые значения, апологетам безошибочных советов приходилось опираться только на авторитеты гигантов мысли, в данном случае – классиков марксизма-ленинизма.

Нет сомнения, что любые мудрецы, а тем более – советские, безусловно уверены в своей непогрешимой правоте. Они многолетними трудами подвели незыблемую базу под свои учения, и не существует никаких аргументов, чтобы сдвинуть их со своих позиций. Но все они, высокомудрые ученые, в попытке ухода от проблем брэнной жизни и оправдания своего бесилия в этом мире, ссылаются на любые причины высшего порядка или на непостижимые силы вообще.

Весомые «доказательства» найдутся всегда.

И это касается не только коммунистов...

На международной арене проклятые империалисты, наблюдая затянувшуюся агонию Союза, просто по определению не могли допустить, что «эти русские» – идиоты, и что про-

цесс полной деградации советского общества, происходит реально, на самом деле. Все думали, что это очередные происки хитроумной коммунистической пропаганды. Западные спецслужбы в этом тоже были твердо убеждены и никаких других вариантов не рассматривали.

И, наконец, сами теперешние правители страны Советов – Брежнев, Сулов, Андропов и другие, не верили в катастрофу просто потому, что не были ни профессионалами, ни обывателями, ни мудрыми политиками: профессионалами-экономистами или учеными социологами они не были никогда, для обывателя они слишком оторвались от реалий, ну а какие они политики в плановом мире социализма и к чему это привело, всем было известно. И народ, в данном случае, не проведешь. Правители надеялись на очередное чудо в виде субботников, экономной экономики и прочей белиберды. А если не видели проблем, то и мер не принимали. Действенных мер.

Созданная по заветам Ленина, налаженная Сталиным сложнейшая бюрократическая государственная машина со всеми своими «винтиками», основанная на физическом страхе, до сих пор не давала сбоев, выдавала денежную массу «на-гора» и особых тревог, до поры до времени, у самонадеянных разрушителей монархий и культов не вызывала.

Но мир требовал принципиально новых технологий, новых денег, новых мозгов, новых ракет, новых условий человеческого существования, в конце концов. Сталин, каким бы ни был великим стратегом, не мог предвидеть гонку вооружений такого масштаба и выбрасывание денег тоннами прямо в космос. Уровень смекалки его госмашины просто не был на это рассчитан. Он и на стратегическое мышление не был рассчитан, – в ту великую войну, ценой неисчислимых жертв, справился сам народ, может быть, вопреки фельдфебелям-полковникам. А в мирном строительстве дело долгосрочного предвидения ограничивалось пятилетками.

В государстве победившего социализма, кроме колоссальных расходов на вооружение и космос, еще разворачивали могучие реки вспять, строили гигантские ГРЭСы и прочие АЭСы, дарили направо и налево не только латунные советские награды, но и стальные танки, пушки, бомбы, делились со всеми желающими «мирным атомом», продовольствием, раздавали миллиарды долларов «на борьбу с империализмом» и на «братскую помощь» всяким ненадежным иноверцам. Но край пропасти уже был близок и только слепой не мог видеть этого.

Если продолжить перечисления «необходимых» расходов и все суммировать – получится полный бред!

Интересно, хоть кто-нибудь из советских небожителей, обладавший достоверной информацией, сообразил хоть раз взять простую авторучку, тетрадный листочек в клеточку и посчитать в два столбика: здесь – приход, здесь – расход, а внизу – итог. Ну, и уж из «высшего пилотажа», дальше, на основании «итога» – перспективы развития, то есть окончания имеющихся и потенциальных средств...

Куда там, кому это нужно – миллиард туда, миллиард сюда, – а откуда деньги, кто их добывает, где эти самые «закрома Родины», это дело не царское...

Госкомстат дает сводки и хорошо. Все хорошо! Просто отлично! И никак иначе! Коммунистические идеологи и социалистические правители хорошо заучили свой главный аргумент: «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Если приглядеться, этот скрытый смысл присутствовал в любом коммунистическом догмате и любом псевдоэкономическом отчете об успешном и досрочном выполнении плана очередной пятилетки, построенном исключительно на взаимном обмане. Никто и не задумывался, кому нужны планы и кому, собственно, они втирают очки! *такие*

Конечно, масштабы «прожигания жизни» впечатляли. И ведь не придет в голову любому закоренелому империалисту или просто здравомыслящему человеку, что эта великолепная экономико-политическая вакханалия вершится на последние гроши...

Поражает и то, что опять власти не задумывались даже о таких вполне человеческих вещах, как самосохранение и собственная судьба. Уж кто-кто, а власти должны были бы поду-

мать о благосостоянии государства хотя бы в свете собственной безопасности. Так нет! Они, советские руководители партии и правительства, все, как один, дышали на ладан, прости, Господи, и ни о каких перспективах развития чего-либо, естественно, не помышляли. Какое развитие? О чем вы?

И это совершенно очевидно.

Мысли их, если таковые и имелись, направлялись исключительно в спокойное русло безмятежного доживания. А какие еще физиологические желания могут быть у чрезвычайно пожилых людей обремененных огромным хозяйством – любви, счастья?!

Любви к двумстам пятидесяти миллионам граждан?

Да ладно, о своих детях бы подумали...

Бабушка Лиля очень сердилась, когда Саша начинал «провокационные» разговоры о коммунизме. Не то чтобы она была не согласна с доводами внука, но просто с этими убеждениями она прожила всю жизнь и ломать устои на старости лет не желала. На это вообще не каждый способен, да и была ли в этом необходимость. Все шло, как шло, пенсию платили в установленные сроки, все было тихо и спокойно – все боролись «за мир!», с утра она могла себе позволить сходить на базар и купить телятинки, в магазине баночку виноградного соку на завтрак и грамм сто российского сыра. Все прекрасно.

– Кстати, надо пойти похлопотать о надбавке к пенсии, – говорила бабушка, – обещали персональную выправить.

Бабушка Лиля, несмотря на «пролетарские» замашки, была отнюдь не так проста, какой иногда хотела казаться. Не говоря уж об очень обеспеченных родителях, и, в частности, высокопоставленной должности ее отца, Дмитрия Григорьевича, молодая Елизавета занималась балетом и имела хороший голос, что признавали даже специалисты. В свое время она поступила в оперную студию Мариинского театра и встречалась с Шаляпиным и Вагановой, о чем свидетельствовали домашние фотоальбомы.

Тяжелое послереволюционное время разрухи не позволяло особенно шиковать, но Елизавета умела жить. Разумно и экономно. При этом, создавая общее впечатление достатка и благосостояния. Обладая практическим складом ума, она кроме работы в отделе кадров за «хорошую» зарплату, совмещала работу на общественных началах в парткоме вполне в большевистском духе с подпольной индивидуальной трудовой деятельностью по обшиву модными и дефицитными обновами всех своих многочисленных подруг и знакомых. Причем делала это со вкусом, качеством и любовью. В доме всегда имелись последние журналы мод и выкройки лучших зарубежных «кутюрье» всех времен и народов.

И естественно, сама Елизавета и ее дочь Тамара всегда выглядели нарядно и счастливо. А то, какими трудами это достигалось, оставалось за кадром.

До войны уверенность Елизавете Дмитриевне и всей семье придавал, конечно, ее любимый муж – Николай Евдокимович, человек разносторонних взглядов и умений. Николай был медиком и тоже обладал вокальным талантом, на почве которого, видимо, они и познакомились. Впоследствии, когда Родина позвала молодых патриотов под свои знамена, он стал кадровым военным, что еще более повысило статус семьи Николаевых. К тому же родной брат Лили – Иван Дмитриевич, был летчиком и не простым воздушным «извозчиком», а настоящим сталинским соколом и летал вместе с Чкаловым. Правда, в те времена об этом было как-то не принято распространяться. Но когда к Николаевым в гости являлся браваый летчик-орденоносец дядя Ваня, собиралась вся округа и государственная тайна незаметно растворялась в табачном дыму многочисленных разговоров и героических рассказов. А в те времена межконтинентальных перелетов, спасения челюскинцев, завоевания голубого океана и строительства авиационных армий, рассказать было о чем.

Но вся эта по-советски блестящая история под Марш энтузиастов закончилась трагически. Однажды, испытывая очередной новейший самолет, дядя Ваня разбился...

А война еще и не начиналась.

А когда началась, сразу пропал без вести Николай. Привыкшая к невосполнимым лишениям Елизавета, опять только горестно вздохнула, а Тамара, не смерившись тогда со «смертью» папы, всю свою жизнь пыталась разыскать его следы. И в какой-то мере, после кропотливых поисков и многочисленных поездок, ей это удалось. По некоторым данным, которые получила Тамара, он воевал в Брестской крепости. По крайне смутным сведениям, ее отец после падения крепости попал в плен. Некоторое время, по свидетельству очевидцев, он находился в концлагере в Польше, потом по неподтвержденным, но достоверным данным его перевели в Норвегию и уже там, на скандинавском севере, его следы терялись окончательно.

Тамара разыскала немногочисленных оставшихся в живых, сослуживцев отца, вела переписку с ветеранами обороны Брестской крепости и специально ездила в Брест на встречу с ними. Ей даже выдали удостоверение почетного участника обороны Бреста. Конечно, вся история, которую по крупицам собрала Тамара, показывала, что вероятность увидеть папу живым минимальна, но все равно надежда оставалась. И многие, порой фантастические, рассказы узников фашистских лагерей давали еще большие надежды, так как, оказывалось, что кто-то помнил Николая и видел его в Норвегии, Польше или в Германии, а кто-то уверял, что встречался с ним уже после войны...

И ведь действительно, такое вполне могло произойти, – никто из близких не знал, чем занимался на самом деле Николай Евдокимович ни до, ни во время войны. Может быть, он был законспирированным разведчиком, думала Тамара. Тем более что тогда, в блокаду, случилось странное происшествие как доказательство этой версии, – их квартиру обокрали, причем, не взяв ничего ценного, «воры» позарились только на семейные архивы и фотографии. Но, к сожалению, чуда не произошло, и новых вестей о Николае Евдокимовиче так и не нашлось.

Господи, думала дочь, где бы ты ни был, папа, я жду и люблю тебя!

Но все было не так.

В далеком будущем Александр Щеголев, вооруженный новыми компьютерными технологиями, свяжется со всеми архивами, вплоть до Архива Министерства Обороны, и доподлинно выяснит, что Николай Евдокимович, его дед, пропал без вести в феврале 1942 года на Ленинградском фронте. Но он ничего не скажет своей маме, и она тихо умрет в твердом убеждении, что ее папа жив.

И опять странное стечение обстоятельств и переплетение судеб: через всю Польшу, первую страну, где как верила Тамара содержался в плену капитан Николаев, по пути из Алтая в Берлин прошел с боями Владислав Щеголев и, наверное, мог бы освободить своего будущего тестя, если бы только все было так, как нам бы хотелось.

Но и это еще не все. В то же самое время, то есть в победном мае 1945 года в Берлине находился и будущий тесть Саши Щеголева, отец Али, – Василий Михайлович, и он вполне мог встретиться там у рейхстага с Владиславом Александровичем. Такие жизненные коллизии, связавшие родных для Саши людей, вызывают, по крайней мере, удивление. Когда случайные стечения обстоятельств превышают определенный допустимый предел, то они уже становятся структурированной системой.

Или Судьбой...

Судьбой Человека.

А бедная Лиля и Томочка, не подозревая о промысле Божьем, всю нечеловеческую войну так и пробыли в Ленинграде. Пережили страшную блокаду, работали, голодали, но, все-таки не теряли надежду встретить своего папу Колю. Они очень его ждали и верили в чудо.

Пришло освобождение, пришла большая Победа, началась мирная жизнь, а весточки все не было. Так Елизавета и осталась одна. Она всю жизнь хранила память о своем Коле, иногда рассказывая о нем внуку Саше и горько вздыхая о таком уже далеком и недолгом счастье, которое, как и время, уже было не вернуть никогда.

А пока настанет неотвратимое будущее, которое приоткроет многие тайны, события развивались своим размеренным и неспешным образом. На Сашиной работе в Зональном институте по поводу какого-то праздника распределяли бесплатные путевки, и Щеголеву, как отличнику агитации и пропаганды, досталось путешествие по Волге, но не на пароходе, а... на поезде.

И то хлеб! Во времена процветающих профсоюзов, путевки были в моде. Тем более, бесплатные. Предстояло провести неделю на колесах и объехать все Поволжье. Путешествие казалось интересным, и Саша с удовольствием собирался в поход. Правда, на дворе стояла лютая зима, но трудности пока не смущали. Проводы были недолгими, и вот уже поезд спешит на восток!

Александр знал, что самые трудные тридцатые годы отец провел в ссылке в Куйбышеве, и ему хотелось посмотреть на город, где прошла предвоенная молодость отца. Владислав Александрович вообще не любил много рассказывать о своих злоключениях. Только о достижениях. Он был убежден, что Щеголевы всегда должны держать марку. И был прав, по- своему.

Волга была скована могучим льдом. Вздвигнувшиеся колоссальные льдины вставали гребнем чудовищ, а снежные ветра окончательно придавали безбрежной волжской равнине фантастический вид. Поезд прогрохотал по мосту и вскоре прибыл на станцию Куйбышев.

Вокзал, площадь, трамвай.

Мирные, обычные люди, занятые своими делами, снующие автомобили, кружащийся легкий снег – жизнь продолжалась как ни в чем не бывало, и никаких ежово-бериевских застенков не просматривалось. У Саши, благодаря скудным рассказам отца и многотомным романам Солженицына, невольно выработалось ощущение чего-то темного и барачного, ожидание хмурых личностей в шинелях и пьяных извозчиков.

Ничего этого не было!

Был светлый зимний город на берегу великой реки.

А река, действительно была велика и величава. Даже несмотря на сковавший ее мороз, Волга производила необычайное впечатление, прежде всего, своей шириной. Она раскинулась как море, и противоположного берега было не видно. Обрывистый, высокий яр был огражден парапетом и, стоя перед речным простором, Саша подумал, что вот так все семейство Щеголевых и в мороз, и в жару, и в жару, и вскользь, проходя мимо и любуясь этим сказочным видом, всматривались в волжскую даль, ожидая решения своей судьбы.

Иных уж нет, а те далече...

Путевка предусматривала ознакомительные экскурсии, но Александр не поехал с группой. Он решил побродить по отцовскому городу один, попытаться понять сущность души волжского пристанища Щеголевых, и попробовать вжиться в то далекое время.

Куйбышев, конечно, должен был измениться с тех незапамятных времен, но по духу остался тем же старинным городом, имевшим когда-то другое имя – Самара. Главная улица была характерным примером: среди сталинских помпезных, монументальных сооружений, вроде Института Оргэнерго на широкой площади и других новоделов, оставались старые купеческие дома и особняки, которые и придавали Самаре исконно русский вид.

Ну, естественно, не обошлось без памятников Ленину и Куйбышеву, причем, одной «руки» – скульптора Манизера, певца социалистической родины и ее вождей. Памятники были предельно традиционными, без полета фантазии и таланта. Голый коммунистический апофеоз.

И Саша подумал, глядя на бронзовых колоссов, что переставь головы монументам, никто бы этого и не заметил, даже сам прославленный ваятель.

Памятники, как памятники, какие стоят во всех городах, поселках и просвещенных деревнях Страны Советов. Народ должен знать своих вождей! А что же еще может вдохновить творца в этой злосчастной стране, как не светлые и одухотворенные лица создателей Союза нерушимого? Озабоченные и хмурые лица ссыльных и заключенных или простых тружеников и обывателей? Конечно, нет! Ленин с Куйбышевым, стоя на пьедесталах, озирали дела рук

своих. Будто только они знали что, когда и кому надо делать и как жить. Но они явно посягнули на чужую компетенцию и, вследствие этого, оба закончили свои дни преждевременно.

Саша прошел по набережной, вышел на какую-то улицу и попал... в такой знакомый Владимир – те же двухэтажные, снизу каменные, сверху деревянные домики, высокие заборы, и заросшие заснеженными яблонями сады...

Но становилось все холоднее, и морозный ветер с Волги заставил Сашу зайти в какое-то типовое серокирпичное, застекленное кафе, где он заказал рюмку коньяку, чай и бифштекс – все, что там и было в меню на сегодня. Гуляя по городу, он и не заметил как продрог и только сейчас в тепле и уюте этого заведения общественного питания, Сашу охватил сильный озноб. Зуб на зуб не попадал.

Негнуцими пальцами Саша достал папиросы и закурил. Боль в ломивших руках и ногах немного отпустила, и коньяк, поданный задолго до всех других блюд, окончательно привел Щеголева в чувство.

Неласково встречает своих гостей Самара-городок.

Да зачем я так, подумал Александр, – невольное предубеждение, а город красивый, широкий, привольный и неожиданно большой. Саше так и не удалось, как он рассчитывал, выйти на окраины. И кафе хорошее, и мясо вкусное, и чай горячий. Все нормально. Жизнь идет своим чередом.

Вечерело. Саша вышел на улицу отдохнувший, согретый и направился на вокзал, где стоял их туристский поезд и где его ждал еще путевочный ужин.

Он спросил у прохожего дорогу и тот посоветовал проехать на трамвае – до вокзала оказалось далековато.

Много же я прошел, и, наверное, мои пути хоть раз да пересеклись со следами других Щеголевых, всех моих родственников, думал Саша, глядя в обледеневшее окно трамвая. Он рукой растопил себе маленькое смотровое окошечко и наблюдал за скользящими тенями вечернего города.

И, безусловно, след жизни каждого человека записан на полотне земли невидимыми строками навсегда...

Эля Максович Монастырский, в простонародье – Олешка или официально Олег Максимович, был бригадиром художников на заводе «Северный стан». Это был профессиональный художник-шрифтовик, мастерству которого мог позавидовать сам Вилу Тоотс. К тому же, Олег обладал импозантной внешностью: пронзительные черные глаза, нос с горбинкой, курчавые длинные волосы в стиле «афро», усы и борода делали его похожим на врубелевского демона, но улыбка и некоторая растерянность во взгляде превращали грозного бригадира в достаточно мирное создание. Даже имея такой антиобщественный облик, Монастырский никогда не опаздывал на режимное предприятие, выполнял все работы в срок, с отличным качеством и был по общему мнению добросовестным трудягой.

Наверное, именно за это свое ответственное отношение к работе он и был поставлен начальником ватаги ненадежных и легкомысленных людей, каковыми в администрации завода считались художники. Нет, конечно, к ним относились со всем уважением и трепетом, как к любому творческому коллективу, но художники и есть художники, и они плохо вписывались в производственный процесс и план по выпуску секретной военной продукции. А наглядная агитация, что всем известно, была жизненно необходима для любого советского производства как воздух и, поставив дядькой надежного человека, заводской треугольник (дирекция, партком, завком) могла спать спокойно.

Александр Щеголев, недавно перешедший работать на «Северный стан» в заводскую мастерскую, куда его перетащил Серега Огольцов, как раз и дополнил художественную бригаду, в которую еще входили сам Сергей, упомянутый выше Олег и уже известный цеховой

слесарь-художник Сашка Забродин. Дождавшись из Москвы допуска на секретный объект, Щеголев с увлечением включился в художественно-производственный процесс.

Работа состояла в основном из написания на огромных подрамниках социалистических обязательств цехов и участков, транспарантов с коммунистическими призывами и рисовании всевозможных портретов Ленина, за которые, правда, хорошо платили. Надо сказать, что ребята не довольствовались тупым переписыванием текстов и штампованием трафаретов, а вносили эстетические элементы в скучные таблицы, спихивая писанину Олегу. А тот с удовольствием и упоением аршинными буквами начерчивал тексты примерно следующего содержания:

«Выполняя решения XXIII съезда КПСС, положения отчетного доклада генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева и тезисы апрельского пленума ЦК КПСС и идя навстречу 60-летию Великого Октября коллектив цеха №5 взял на себя повышенные социалистические обязательства:

- Всесторонне изучать Решения ЦК КПСС...
- Претворять в жизнь Решения...» и так далее.

Такие обязательства выполнялись в цвете на загрунтованных фанерных планшетах размером примерно метр на метр, которые надлежало вывешивать в каждом цеху, участке или отделе. Это дело строго проверялось партийными органами и, не дай Бог, у кого-то не окажется подобного произведения. Поэтому простые начальники цехов и участков очень ценили художников, и, в частности, испытывали глубокое уважение к Олегу Максимовичу, которое выражалось в снабжении бригады спиртом и денежными премиями.

Для более полного восприятия массами ценных указаний партии весь этот бред обязательно украшал, как художественная составляющая агитации, портрет В.И.Ленина на фоне знамен, Спасских башен и Дворцов съездов.

Но работа не была такой однообразной, как может показаться – то и дело возникали какие-нибудь неожиданные интересные заказы. Так, например, причиной перехода Щеголева на завод явилось празднование 30-ти летия Победы, к которому на заводе по тогдашней партийной моде решили поставить памятник. Конечно, память о погибших должна храниться вечно, но то, как массово и по приказу «сверху» осуществлялось это мероприятие, вызывало некоторые сомнения в искренности идеологических начальников. И потом, подобные памятники все-таки должны создавать заслуженные и талантливые профессионалы, а не случайные люди. На счастье «Северного стана», такие, несомненно талантливые люди, на заводе нашлись. Сергей и Александр составили костяк творческой группы и они, ответственно подойдя к столь важному делу, создали проект целого мемориального комплекса под стать городскому. Щеголев, нахватавшись на прошлой работе архитектурного апломба, смог по всем академическим канонам создать и оформить проект. Даже с макетом в масштабе 1:10. И они, естественно, победили в заводском конкурсе. Теперь нужно было, как тогда говорилось, воплощать планы в жизнь!

Исключительно своими силами.

И ребята, забыв про все остальное, принялись за ваяние. Работа была хоть и грязной, но действительно интересной – попробуй-ка воздвигнуть на пустом месте мемориал высотой 7 метров и размахом в 10 с многочисленными барельефными фигурами, постаментом и самой гранитной стелой. Конечно же, под руководством парткома, завкома, дирекции и лично дорогого парторга товарища Таратухина. Кроме родной партии, художникам помогал весь завод, тем не менее, основную работу и главную ответственность вытягивали они.

Олег тоже вносил посильный вклад, главным образом заменяя ребят на текстовом поприще и подпитывая их бесплатными талонами на обед и цеховым спиртом. И вообще, он был мастак на добычу. Следуя традициям своей нации и используя родовые таланты, он мог достать все: от любых сумм денег до дефицитных продовольственных наборов в неограничен-

ном количестве. Причем в любую минуту. Сережа с Сашей частенько пользовались этой его способностью, провоцируя бесхитростного Олега «на слабо».

Монастырский жил в центре, на Пестеля, и друзья, провожая его домой, иногда перехватывали у бригадира в долг пятерку-десятку, которые он доставал из кармана с ловкостью факира. И всегда безотказно. За что и ценили. А иногда ребята заходили к нему в гости продолжить «творческий процесс». Олег был женат на заводской же работнице и имел очень симпатичную дочку Машу. У нее были огромные карие глаза и очень светлые длинные волосы. Жена, если друзья не частили, относилась к ним лояльно, никогда не выставляла веселую компанию за порог, а даже приглашала к обеду.

Художественная мастерская на заводе, находившаяся на отшибе, была неким клубом, где собирались истинно лучшие люди производства. Помимо Саши Забродина, который сбегал из цеха для выполнения творческого задания, у художников вечно пропадал инженер ОТК Леня Воробьев, интересный и общительный молодой человек. Он был уже в «возрасте», лысоват, немного тучен, и до сих пор не женат, что составляло его главную проблему. Леня имел хорошую зарплату, отдельную квартиру и маму, работавшую врачом в КГБ (хотя бы с этой стороны друзья были прикрыты!). И, несмотря на столь очевидные преимущества, с женитьбой Лене не везло. Как показали дальнейшие события, может быть это было и хорошо, хотя как знать...

Используя свою отдельную квартиру, он приглашал художников к себе на дни собственного рождения, а также на дни рождения Октябрьской революции, Ленина, Клары Цеткин и Розы Люксембург и все прочие общегосударственные праздники. Веселье гремело!

Леня Воробьев был добрым и хорошим парнем, но кончил плохо и трагически. Заболев однажды безобидной ангиной, Леня получил фуникулярное воспаление и скоростно скончался. Саша, когда ему спустя несколько дней сообщили об этом, не мог поверить, что цветущий и жизнерадостный парень вот так случайно умер. И никто не смог или не успел помочь. Даже его мама врач из Комитета.

Совершенно неестественная и жуткая история.

Но все шло своим чередом, время летело. И уже в других временах веселая команда распалась. Дружные художники разлетелись кто куда, и только аккуратист и семьянин Саша Забродин остался верен «Северному стану» до самой... нет-нет, до момента своей полной профнепригодности вследствие чрезмерной и непобежденной тяги к спиртосодержащим жидкостям. XXI век Забродин – красивый высокий парень, в прошлом отличный рок-музыкант и скрупулезный художник, мастер-электронщик высшего разряда встретил в облике и фартуке дворника. И общаться с ним можно было только с утра. Никто и не общался. Просто не успевал.

Рассчитавшись с заводом и семейными обязанностями, Сергей Огольцов исчез в каких-то Киришах, где, как он тогда считал, нашел золотую жилу в местных художественных мастерских. Серега съехал из Ленинграда и окончательно пропал с горизонта, по крайней мере, со Щеголевского. Потом, много позже, они, старые друзья, прошедшие вместе в буквальном смысле огонь, воду и медные трубы, вновь встретятся, но золоторудных следов на Огольцове уже не останется.

Олег, расставшись с родным предприятием, казалось бы, нашел вольную и денежную работу гравера в Доме свадебных торжеств, но блеск в глазах пропал. Он больше не был бригадиром. Так случилось, что вскоре умерла его жена. И они остались с Машей одни. Монастырский немного съезжился, но не сдался и продолжал с еще большим остервенением гравировать все, что видел. Теперь он гравировал не только дарственные жетоны, медали и автомобили, но и надписи на надгробных памятниках.

И вот, когда он дошел до оформления надгробий, смерть подстерегла и его.

Олег Максимович Монастырский болел очень тяжело и долго. Со свойственным ему оптимизмом и упорством он изо всех сил боролся за жизнь. Но все же умер. Ему было всего

45 лет. И его похоронили рядом с женой, так как он по своей обычной предусмотрительности заготовил и себе место заранее. Только Олег не думал, что настолько он прозорлив и заготовка так скоро понадобится. У него и табличка была выгравирована. В шутку, без даты...

Маша Монастырская осталась совсем одна. Но она уже выросла и стала взрослой девушкой. Как помнил Саша, Олежка так гордился своей златовласой дочкой.

*Ш. Рзаев, бригадир овцеводческой бригады. Азербайджанская ССР.
«Комсомольская правда», 6 марта 1976 года.*

ГЛАВА 4

Имя Леонида Ильича Брежнева – верного сына продолжателя ленинского дела, пламенного борца за мир и коммунизм – будет всегда жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества.

С чувством глубокой скорби советский народ проводил вчера в последний путь верного ленинца Юрия Владимировича Андропова

Вчера в связи с кончиной Генерального секретаря КПСС Константина Устиновича Черненко участники Пленума в Москве почтили его память минутой скорбного молчания.

Для Саши Щеголева все рухнуло. В прямом и переносном смысле. А вся эпопея, продолжавшаяся более двух десятков лет, началась с какого-то страшного неотвратимого мига, так жестоко растянувшегося на всю его оставшуюся жизнь.

Но именно так всегда и бывает.

На трассе Ленинград – Таллин машина, в которой ехал Александр, на рассыпанном гравии пошла юзом на скорости под сотню. Приятель, управлявший машиной, не справился с этим самым управлением и, как потом напишут в протоколе, опрокинулся в кювет или, как было на самом деле – со всего разгона вонзился в придорожную насыпь. «Жигули», со страшным скрежетом воткнувшись в край рва, немислимой силой перевернулись, и машина на мгновение замерла в акробатической стойке. От резкого удара Саша, пробив лобовое стекло, вывалился на капот – спасение было так близко. Водитель, ударившись о руль, остался в салоне. Но тут физические силы продолжили свое действие и машина, вставшая «на попа», опрокинулась на крышу и с финальным грохотом накрыла Александра. Все погрузилось во мрак...

Саша очнулся в тусклом помещении на жесткой клеенчатой лавке. Вокруг на таких же лавках сидели и лежали какие-то жуткие люди – грязные, окровавленные, кое-как перевязанные и слегка постанывающие.

Ага, я в Чистилище, подумал Саша, но сознание постепенно вернулось, и он смутно вспомнил катастрофу, которая представилась чем-то далеким и нереальным.

– Где мы? Сейчас что – день, ночь? – спросил он у соседа.

– А-а, очнулся! Ты в больнице, а думал, наверное, что вытрезвители? Хи-хи-хи! – сосед был явно навеселе, и он, с удовольствием отвлекшись от собственных несчастий, с интересом посмотрел на Щеголева.

– Ты, брат, чудом жив остался, они и не надеялись, – товарищ по несчастью кивнул в сторону медперсонала, занятого, как обычно, писаниной и не обращающего никакого внимания на больных.

– Я вижу, они и сейчас не надеются, – Щеголев неловко из-за плеча покосился на врачей.

– А находимся мы в больнице Скорой помощи на Пионерской. Твои-то знают?

Резкая боль во всем теле, заставила Сашу прикусить язык, и в ответ он только помотал головой.

– Эй, доктор... – Щеголев превозмог себя и привстал. Сестричка тут же соскочила со стула и подбежала к лавке.

– Лежите, лежите. Вам нельзя вставать! Сейчас поедem на рентген...

Но в дальнейших событиях Саша уже участия не принимал, – тупая боль накатила и сознание, вспыхнув звездами, медленно померкло.

На следующий день главврач вынес приговор, который, если перевести на нормальный язык, звучал так: перелом позвоночника с множественными переломами ребер и рук, а также сильный ушиб живота с непредсказуемыми последствиями, и, как итог, в лучшем случае, паралич, сопровождаемый возможными операциями на брюшной полости – будем смотреть, будем смотреть...

В общем, не жилец, заключил Александр. Но страха, ужаса от катастрофического диагноза, не было. Была боль, было скованное гипсом тело, а вот смертельного страха почему-то не было. Этого не может быть! Этого не может быть со мной! – думал Саша, сейчас они разберутся и все будет нормально!

Но было не нормально. Его приговорили к операции на позвоночнике, предупредив, что может и не получиться. Интересно, что значит «может не получиться»?

Надо сказать, что Сашин приятель, управлявший машиной, отделался переломом ребра и парой синяков и, мало того, как потом узнал Щеголев, даже восстановил машину. Вот что значит судьба. А Александр, лежа на больничной койке часами, днями, неделями, месяцами лишенный движения, только и мог, что вспоминать былое и предаваться мечтам. Но в голову лезла всякая чепуха и совсем несвоевременные мысли.

Чтоб разнообразить свое однообразное существование, Саша заставлял себя поразмышлять на отвлеченные темы, например... о новом свитере и модных ботинках на липучке, в которых можно будет отправиться, скажем, в ресторан или к кому-нибудь в гости, но о развлечениях думалось с трудом. Тогда можно помечтать о чем-нибудь прекрасном и возвышенном, например, о вожденном, но недостижимом собственном автомобиле (Бог с ней, с катастрофой!), хотя нет, это неприятно, сразу вспоминаешь, проданный без его ведома, старенький «Москвич». Тогда представим себе будущий поход с Пашкой и Гошкой в «чудню деревню». Тоже не годится, какой поход, если неизвестно смогу ли я вообще ходить. Ну, можно вообразить себя в Симеизе на пляже у моря. Лежу я, значит, на пляже, нежно шелестит море и... входит медсестра с процедурами! **у**

Фу ты, черт!

Другие мысли, например, о предстоящей тяжелой операции на мозге, хоть и спинном, а все-таки собственном любимом мозге, ни в голову, ни в спину не лезли. В висках стучала только одна единственная мысль – выжить, выжить, выжить!

Нет необходимости подробно описывать однообразные больничные будни, растянувшиеся на многие годы – ничего интересного и нового это не откроет. Разве что, размышления Щеголева могли заинтересовать врача-психиатра с точки зрения фантазмагорической деятельности сознания смертельно больного молодого человека, усугубленной одиночеством и наркотным морфином.

От операции на позвоночнике Саша отказался. Под подписку. И врачи с видимым облегчением умыли руки. Тогда его отправили в реабилитационный центр в Сестрорецк. При транспортировке шевелиться было категорически запрещено, тем более вставать, и его кантовали и перевозили как куль, так же неосторожно и грубо. Он даже хотел сказать медперсоналу расхожую автобусную фразу – «полегче, не дрова везете!», но промолчал и отвернулся. Что им, чужая боль...

Пребывая в Сестрорецке, Саша только через несколько месяцев ценой невероятных усилий смог, приподнявшись, увидеть в окне сосны и реку Сестру, протекавшую у больницы. Он не вставал совершенно. От этого не чувствовались ноги, чего Саша очень опасался, так как ему при отказе от хирургического вмешательства пообещали полный паралич. Тогда, от той операции, Щеголева еще более горячо, чем однопалатники, отговорили... медсестры, поясняя с подробностями, что именно у них, врачей, иногда не получается.

Ежедневно приходил доктор и колот тело иголкой – проверял границы чувствительности. Эту жуткую процедуру Саша скоро увидит в других и, как он будет считать, более трагических обстоятельствах...

Постепенно, невзирая на запреты, Щеголев стал приподниматься. Сам, потихоньку. И когда попытался встать на ноги первый раз, испытал необыкновенные ощущения. Решившись, Александр, по еще не забытой привычке, бодро вскочил и тут же схватился за спинку

кровати. Все поплыло перед глазами, и собственные ноги заплелись и обмякли. Он как подкошенный свалился на пол.

– Нет уж! – решил Саша, – Встану! Чего бы это мне не стоило!

Вся палата, заполненная примерно такими же доходягами, с завистью наблюдала за эквилибристикой Щеголева, – кто не мог себе позволить такого, а кто и боялся.

Прошла весна, кончилось лето, наступила слякотная осень, и Сашу, благодаря его собственным усилиям, наконец, выписали из больницы. Можно было ехать в Ленинград. Но что его ждет впереди?

Кто может о нем позаботиться кроме мамы?

А тем временем срок выписки приближался и время, несмотря на несчастья, неколебимо двигалось вперед. После полугодовой лежки без движения и обещанных осложнений с «брюшной полостью» обострились какие-то врожденные Сашины болезни, и он почти сразу после выписки из Сестрорецкой больницы, чуть живой, попал по скорой в Мечниковскую, причем сразу на операционный стол. Боль была настолько дикой, что Саша посчитал за счастье любое действие, лишавшее его и боли и сознания вообще. И его погрузили в блаженный эфир...

Очнулся он от вопроса:

– Как ваше имя, больной? Какое сегодня число?

Саша в недоумении уставился на человека во всем белом, но тут же все вспомнил и, тем не менее, остался удивленным.

– Вы что же, оперировали и фамилию не спрашивали? А насчет числа, простите, вам, что спросить больше не у кого?

– Нормально, Щеголев! Это мы проверяем так, «вернулся» человек или нет. У тебя я вижу порядок!

Это был врач, который принял вчера Сашу «в работу» – Евгений Илларионович Романов. Он рассказал, что операция была очень долгой и сложной и что пришлось лишиться его некоторых второстепенных органов. Очень интересно...

Операция, как, оказалось, прошла под руководством «светила» полостной хирургии Эдуарда Тугузова, который консультировал Романова по телефону (!). Саша, немного оклемавшись, выразил ему огромную благодарность. Время показало, что с благодарностью он очень поторопился. По мнению других специалистов, подчеркиваем – медицинских специалистов, операция такого рода и удаление каких-либо органов были неоправданны.

Не хотелось бы говорить, но такая методика проведения операции была вызвана защитой докторской диссертации хирургом Тугузовым. Методика была новейшей, авторской и, по-видимому, непроверенной. Может быть, и скорей всего, такая операция спасла Саше жизнь, грех жаловаться, но обрекла его на многие годы несчастий и инвалидности. А в совокупности с только что пережитой катастрофой и сломанным позвоночником – это было еще то удовольствие!

В общем, выписался он из Мечниковской больницы не только полным инвалидом, но и просто плохо передвигающимся человеком.

Так ли все было на самом деле, нет ли, справедливы ли Щеголевские замечания или они обусловлены его состоянием, трудно сказать, но это было началом его медицинской эпопеи, которая продолжилась до скончания века. И в общей сложности Саше предстояло перенести шестнадцать операций различной степени успеха и тяжести и на нем, как говорится, живого места не осталось. А клиническая смерть, которая подстерегла горемыку на одном из операционных столов, так и вообще, как казалось, лишила его всяких шансов на нормальную жизнь. Однажды один из столпов прогрессивной советской медицины признался: мы разрушили тебе иммунную систему, но сохранили жизнь...

Что лучше было для него сегодня, – он не знал, и уповал лишь на Господа...

Дальнейшие события показали, что, как всегда, оказался прав Всевышний, и отдаваться нужно был в его руки, а не в сверхобразованные и самоуверенные руки земных целителей.

Перед одной из последних таких операций, осложненной всевозможными противопоказаниями, друзья уговорили Александра действительно обратиться к Господу посредством известного своей праведной верой священника – иеромонаха Евстафия – для покаяния и благословения перед решительным хирургическим вмешательством. И он пошел на это, почти не веря и почти не раскаиваясь – чего уж тут, его недуги и мучения превзошли все мыслимые и немыслимые Божественные наказания.

Но после молитв Святого Отца медицинскому консилиуму, состоявшему из высококвалифицированных специалистов, осталось только развести руками. И это было чудо!

Но в то же время – физическое явление, так как его можно исследовать и убедиться в его реальности! И на этот раз, к счастью, Александр Щеголев – этот удачливый объект...

Если отмену семнадцатой операции можно считать удачей. Но навряд ли он согласится на исследования, с него довольно. Александр дорожит и святой верой и своим здоровьем.

Трудно представить себе, что только из-за каких-то своих амбициозных проектов и карьеры можно обречь живого человека на многочисленные болезненные мучения, не оставляющие никаких шансов вновь подняться на вершину осознания счастья и здоровья, отрешиться от физических недостатков навязанной злой, не думающей волей...

Была задача спасти несчастного пациента от смерти любым средствами и способами, но они должны были быть обязательно средствами и способами профессора Тугузова. Честь ему и хвала. А что такое медицинский авторитет в данной области науки, хорошо известно. И кто такой больной против Светила медицины, перегруженного «знаниями», адъюнктами и ассистентами, заглядывающими светиле в рот – прекрасно понятно...

Вот и оказался Саша прямым заложником высокого полета научной мысли с плачевными (для себя) результатами.

Никто не задумывался, нагружая Щеголева «тоннами» наркоза, чем же для него это все закончится, – было не до этого, надо было спасать человека! Под этим лозунгом все и происходило. И оправдание, в случае чего, благородное. А какие методы, это уже другой вопрос.

И лишь потом один из хирургов явно расстраиваясь, рассказал Саше, как все можно было преодолеть гораздо лучшими методами. Он признал, что тогда все потянулись за авторитетом Великого профессора.

А другой врач, после всех перенесенных Сашей вмешательств в его организм, даже как-то заметил, просматривая рентгеновские снимки, что «не могу ничего понять, здесь явно нарушена анатомия».

Странно, размышлял Щеголев, сапожника для ремонта ботинок можно выбрать, от услуг нерадивого сантехника можно отказаться, а единственно доступный врач, какой бы он ни был – непререкаемый авторитет, будь то в районной поликлинике или в специализированной больнице.

Но, наверное, и слава Богу, что все случилось так как случилось: во-первых, потому что альтернативы, собственно, и не было, а во-вторых, до него все-таки дошел смысл и значение жизни и истинной стоимости некоторых человеческих ценностей.

И вообще, выбраться из этой истории и прожить этот период, просто прожить, Саша смог только на характере. В какой-то момент, дойдя до конечной болевой и психологической точки, он вдруг осознал, насколько он близок к краю – и личностному, и физическому.

Ну что ж, если именно так складывается судьба, что ж, если это его predetermined путь, значит ли это, что все его скромные возможности исчерпаны? Способен ли и вправе ли он еще сопротивляться напасти и, в конце концов, стоит ли он, Александр Щеголев, чего-нибудь дороже случайного сочувствия и инвалидной пенсии в шестьдесят два рубля?

Да и сама пенсия была для него оскрблением.

Порой казалось – всё, жизнь прошла стороной!

А она, эта жизнь, в промежутках между «закладками» в больницы, среди случайных знакомых и никому не нужных встреч, в ожидании следующей экзекуции, была действительно серой, бессмысленной и никчемной. Больше всего не давало опомниться именно постоянное ожидание невыносимой боли и осознание неизбежности следующей операции. Причем, уже как обычно, под общим наркозом. Наркоз, конечно, давал сладостную возможность сразу избавиться от чувства собственного бессилия и, главное, снимал мучительную боль, но, каждый раз, проваливаясь в потусторонний мир, Саша мысленно прощался с миром этим. И никто этого не понимал!

В межбольничные промежутки, мысль о неодолимости какого-то сверхъестественного наказания не оставляла его не на секунду. И это изматывающее чувство могло сломать любого, даже самого сильного человека, и Саша не был исключением. Только память, вера в конечную справедливость и надежда на чудо – эти эфемерные понятия, не позволяли ему окончательно смириться с судьбой и опустить руки. И превозмогая несчастья, он все-таки сильно хорохорился...

Но было не перед кем. Рядом, кроме мамы, никого не осталось. Никого!

А тогда, в самом начале, Саша не мог даже предположить такое развитие событий и столь длительное «отлучение от жизни». Как человек деятельный и самолюбивый, он не стал распространяться о своих недугах и, периодически исчезая в больницах на «плановых и внеплановых» операциях, он не считал для себя возможным информировать об этом своих друзей и знакомых. Кто хотел, – мог узнать, но когда кто-нибудь из приятелей все же узнавал, то особого энтузиазма и сочувствия не выказывал. Естественно и понятно, что у всех были не менее важные собственные заботы и дела, поэтому Саша никому никогда не предъявлял мелочных претензий. Только понимание своей абсолютной ненужности оставляла в душе жгучую горечь.

Отец ни разу не пришел к нему в больницу, передавая через маму приветы и ссылаясь на собственное, пошатнувшееся (надо полагать, из-за Саши) здоровье. По-видимому, Владислав Александрович уже вдоволь насмотрелся на несчастья, и усугублять свои безрадостные воспоминания ему не хотелось.

И вообще, Щеголев-старший после определенных событий и смерти своей мамы – Екатерины Константиновны, как будто потерял смысл жизни и резко снизил жизненную активность, о чем сам иногда вскользь упоминал – «ради чего?!». А Саша умел замечать детали, знал, в общих чертах, всю историю их семьи и, наделенный в больницах огромным количеством неподвижного времени, научился думать, вспоминать и ценить время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.